

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭТЕЛЬ ЛИНА

УДИТ

КОЛЕСО КРУТИТСЯ

КТО-ТО ДОЛЖЕН
ПОБЕРЕЧЬСЯ

Золотой век английского детектива

Этель Уайт

**Колесо крутится. Кто-то
должен побережся (сбоник)**

«АСТ»

2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Уайт Э. Л.

Колесо крутится. Кто-то должен поберечься (сбоник) /
Э. Л. Уайт — «АСТ», 2015 — (Золотой век английского
детектива)

ISBN 978-5-17-089853-4

Айрис Карр потрясена: мисс Фрой, ее соседка по купе поезда, бесследно исчезла. Причем остальные попутчики не только этого не заметили, но и уверяют, что никакой мисс Фрой не было вовсе! Возможно, Айрис стала жертвой солнечного удара? Или история с исчезновением ей просто приснилась? А может, есть причина, по которой другие пассажиры предпочли «не заметить» преступления?.. В провинциальном городке ходят слухи о таинственном маньяке, убивающем одиноких девушек. Однако Элен Кэйпел, недавно устроившаяся ассистенткой к педантичному профессору Уоррену, уверена: бояться ей нечего — дом надежно охраняют слуги. Но вскоре выясняется, что убийца — один из обитателей особняка, а сама Элен — следующая в списке его жертв...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-089853-4

© Уайт Э. Л., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Колесо крутится	6
Глава 1. Жалеть не о чем	6
Глава 2. Грозная тень	9
Глава 3. Беседа	13
Глава 4. Зов Родины	17
Глава 5. Ночной экспресс	21
Глава 6. Зал ожидания	25
Глава 7. Пассажиры	28
Глава 8. Чаепитие	32
Глава 9. Соотечественники	36
Глава 10. Пустое место	40
Глава 11. Иголка в стоге сена	43
Глава 12. Свидетели	45
Глава 13. Сон во сне	49
Глава 14. Новое свидетельство	53
Глава 15. Все наоборот	56
Глава 16. Ключевой свидетель	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Этель Лина Уайт
Колесо крутится. Кто-то
должен побережся (сборник)

Ethel Lina White: THE WHEEL SPINS; SOME MUST WATCH

Перевод с английского П. Кодряного («Колесо крутится»), Л. Лаврухиной («Кто-то должен побережся»)

Школа перевода В. Баканова, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Колесо крутится

Глава 1. Жалеть не о чем

Дурные предчувствия впервые посетили Айрис Карр еще накануне всех событий. Дело в том, что она привыкла находиться под защитой «тусовки» – тех, кого называла друзьями. Айрис рано лишилась родителей, унаследовав от них внешнюю привлекательность и определенные средства, и рядом постоянно находилась то одна, то другая группа приятелей. Те не только все за нее решали – точнее, Айрис не считала нужным с ними спорить, – но зачастую даже и разговаривали за нее, поскольку ее собственный голос был слаб и совсем терялся в шумной компании.

Постоянное присутствие друзей создавало некоторую иллюзию того, что Айрис вращается в широких кругах, хотя на деле лица были одни и те же, просто менялись подобно временам года. К тому же друзья не переставали подчеркивать ее популярность. Фотография Айрис тогда как раз появилась на газетных страницах, а поводом к вниманию фотографа и публики стало сообщение в прессе о ее помолвке с одним из членов тусовки.

Вскоре помолвку расторгнули по обоюдному согласию, что представляло собой законный повод для еще одной фотографии в газете. Если бы мать Айрис не умерла при родах, у нее был бы повод всплакнуть – или улыбнуться – при виде этих жалких огоньков людского тщеславия, мерцающих словно болотные огни среди окружающего мрака.

Айрис впервые почувствовала угрозу собственной безопасности, находясь на вершине счастья и благополучия в последние дни не совсем обычного «активного отдыха». С энтузиазмом первооткрывателей – или почти первооткрывателей – тусовка обрушилась на живописную в своем убожестве деревушку в отдаленном уголке Европы и объявила ее своей безраздельной собственностью, скрепив договор подписями в гостевой книге. Единственная в округе гостиница была оккупирована на целый месяц. Впрочем, хозяин гостиницы и его штат и не думали сопротивляться. Члены тусовки лазали по горам, купались в озере и принимали солнечные ванны на всех окрестных склонах по очереди. Вернувшись в гостиницу, они заполняли бар, стараясь перекричать радио и раздавая щедрые чаевые по поводу и без. Хозяин беспрерывно улыбался им из-за ломящегося от купюр кассового аппарата, а официанты кланялись и бросались исполнять любое поручение, забывая об остальных постояльцах, тоже англичанах.

Последние, естественно, были этим не слишком довольны. Они воспринимали Айрис как члена тусовки – тщеславную, эгоистичную, бестолковую девицу, каких полно в так называемом высшем обществе. Естественно, никто и понятия не имел о ее достоинствах – например о щедрости, с которой она единолично, как само собой разумеющееся, оплачивала счет в ресторане после обеда с приятелями. Или о сострадании к людям в стесненных финансовых обстоятельствах – речь, естественно, шла о представителях ее круга. Айрис не отличалась склонностью к недовольству жизнью или сомнениям в собственной правоте, и при этом ей была присуща некая нравственная чистота, так что к разнузданным оргиям ее совсем не тянуло. Не сказать, что во время нынешней поездки до нее не доносились звуки свирели Пана, но до вступления с волосатым сатиром в более близкий контакт дело не доходило.

Время шло, и моральные устои тусовки, и без того не слишком прочные, становились все более расслабленными. Молодые люди загорели на солнце, привыкли пить и веселиться и, к своему удовольствию, стали относиться к брачным узам как к некоей условности. Тем сильнее Айрис, все это время окруженная условными супружескими парами, была поражена, когда другой член тусовки – Ольга – запоздало поддалась собственническим чувствам и обвинила подругу в попытке отбить ее мужа.

Сцена вышла некрасивая, но больше всего Айрис возмутила несправедливость обвинения. Для самой Ольги супруг явно был пятым колесом в телеге, а Айрис его никак не выделяла; и не ее вина, если тот потерял голову. Причем Айрис не нашла поддержки и у друзей, откровенно наслаждавшихся скандалом. Чтобы не служить источником дальнейших раздоров, она решила не возвращаться в Англию вместе с тусовкой, а остаться в гостинице еще на пару дней.

На следующий день, провожая приятелей до небольшой железнодорожной станции, Айрис все еще чувствовала обиду. Те уже предвкушали возвращение к цивилизации. Они снова оделись по лондонской моде и более или менее разбились на законные пары – чему способствовали чемоданы с именными бирками и билеты в одно купе. Поезд отправлялся в Триест. Там сейчас было полно туристов, точно так же стремящихся домой, к мостовым и уличным фонарям. Тусовка, забыв о горных склонах и звездном небе, уже настраивалась на городской шум. Айрис обступили; ей даже показалось, что все снова стало по-прежнему.

– Милочка, не скучай тут без нас!

– Да брось, давай с нами!

– Поехали, как же мы без тебя?

Когда прозвучал сигнал к отправлению, Айрис чуть не затащили в вагон – прямо в шортах и горных ботинках, даже без макияжа. Айрис отчаянно вырывалась и выпрыгнула из вагона, когда поезд уже тронулся. Хохоча и слегка задыхаясь от затраченных усилий, она махала рукой вслед уходящему составу, пока он не скрылся за изгибом ущелья.

Обнаружив, что отъезд приятелей вызвал у нее лишь облегчение, Айрис испытала нечто вроде чувства вины. Да, она прекрасно отдохнула, но главным для нее были простые радости – солнце, вода, горный ветер. Айрис погружалась в природу, а от окружающих людей испытывала скорее смутное неудовольствие. Они были слишком близко как в физическом, так и в моральном смысле. Иногда то одно, то другое резало ей глаз и слух – тоненько хихикающая женщина, приготовившийся нырнуть грузный мужчина, постоянное «о господи!», лишенное малейшего оттенка благоговения... Впрочем, следовало признать, что при всем критическом отношении к приятелям сама Айрис весьма на них походила. Вместе с ними она восторгалась прекрасными видами, хотя совершенно естественно ожидать, что по мере удаления от традиционных туристических маршрутов пейзаж становится все лучше, а уборные – все хуже.

Теперь Айрис наконец-то осталась наедине с безмолвием и горами. Прямо под ней лежало изумрудно-зеленое озеро, в его поверхности алмазными бликами отражалось солнце. Заснеженные вершины вдалеке четко выделялись на васильковом небесном фоне. На одном из холмов высилась темная громада старинного замка: его пять башен торчали словно растопыренные пальцы загадочного злодея. Повсюду буйствовали краски. В пристанционном садике экзотические огненно-желтые цветы, усыпавшие колючие кусты. Деревянное здание гостиницы выше по склону было выкрашено охрой и кармином. А мимо зеленой стены ущелья проплывали последние клубы паровозного дыма, легкие, словно белый пух.

Когда дым наконец растаял, Айрис почувствовала, что с тусовкой ее больше ничто не связывает. Бросив вслед поезду издевательский воздушный поцелуй, она развернулась и побрела по крутой каменистой тропе обратно в гостиницу. На мостике, перекинутом через текущую со снежной вершины речку, она задержалась, чтобы насладиться ледяным воздухом, поднимавшимся от зеленовато-белой пенящейся воды.

Айрис вспомнила вчерашнюю сцену и поклялась больше не иметь ничего общего с тусовкой. Эти лица всегда будут напоминать ей об эпизоде, совершенно несовместимом с ее представлениями о дружбе. Айрис прекрасно относилась к Ольге, в каком-то смысле даже была ею очарована, – а та в ответ закатила сцену ревности!.. Пожав плечами, Айрис отбросила неприятное воспоминание; здесь, под бескрайними небесами, люди казались маленькими, а людские страстишки – и вовсе крохотными. Так, случайные события на пути от колыбели до могилы. Встретились, расстались – не о чем жалеть.

Пропасть, отделяющая ее от бывших друзей, ширилась с каждой минутой. Паровоз уносил их прочь из жизни Айрис. При этой мысли она почувствовала радость какой-то новой свободы, словно безмолвие и одиночество помогли ее духу наконец вырваться наружу.

Очень скоро она будет готова отдать все богатства природы, лишь бы приятели снова оказались рядом с ней.

Глава 2. Грозная тень

Прошло около четырех часов. Айрис лежала, раскинув руки, на склоне горы высоко над долиной. С того самого момента, как она вышла из холодных сумерек ущелья – там расходились в разные стороны дорожки и стояла часовенка, – Айрис поднималась вверх по тропинке, зигзагом вившейся вдоль склона. Стоило ей выйти из полосы тени, как стало немилосердно жарить солнце, но она не сбавила шагу. Мысли продолжали гнать ее вперед, поскольку из головы никак не шла Ольга.

Имя торчало в мозгу как заноза. Ольга! Ольга, делившая с ней хлеб – вернее, охотно поедавшая тосты, которые Айрис жарила себе на завтрак, объясняя это заботой о ее фигуре. Соль она, кстати, делить отказывалась из какого-то диетического предрассудка, так что принимать ее в гостях было сущим мучением. Ольга, которая без тени смущения пользовалась ее телефоном и автомобилем, что не пошло на пользу последнему. Ольга, охотно позаимствовавшая на время ее меховую шубку, а взамен решившая поделиться никому не нужным мужем.

При одной только мысли об Оскаре Айрис практически перешла на бег. «Можно подумать, меня интересуют мужчины, похожие на Микки-Мауса!» В конце концов, совсем запылавшись, Айрис бросилась на землю и решила, что на сегодня достаточно. По мере того как она продвигалась к вершине, та, казалось, отступала все дальше, поэтому надежды ее достичь быстро испарились.

Айрис полежала с полужакрытыми глазами, прислушиваясь к шороху ветерка, и к ней начал возвращаться душевный покой. Тоненькие колокольчики на фоне неба выросли до размеров колокольни, а сама Айрис казалась себе крошечной и вросшей в землю, словно камень или корень старого дерева. В своем воображении она почти слышала, как в недрах горы пульсирует огромное сердце.

Очарование длилось недолго, и Айрис снова вспомнила об Ольге. Впрочем, теперь она видела ее под другим углом – высота, как обычно, создавала иллюзию превосходства. Долина, вспомнила Айрис, находилась на высоте полутора тысяч метров, и сама она взобралась минимум на столько же. С точки зрения арифметики, она оказалась сейчас на три километра выше бывшей подруги – при условии, конечно, что той хватило совести остаться на уровне моря, – и могла позволить себе определенную снисходительность.

– Больше – никогда! – объявила она вслух. – Никогда и никому не помогаю, даже не просите!

С чувством удовлетворения – урок оказался полезным, пусть даже он получен дорогой ценой, – Айрис решила выкурить сигаретку перед обратной дорогой. Воздух был настолько чист, что отдаленные горы, которых она раньше и не замечала, словно соткались из ниоткуда и плыли теперь в небесах полупрозрачными фиолетовыми громадами. Далеко внизу текла река, которую расстояние превратило из зеленой в туманно-голубую.

Без особой охоты Айрис встала. Пора было возвращаться.

Обратная дорога оказалась не только скучной, но еще и довольно болезненной – приходилось постоянно отклоняться назад, чтобы не упасть. Начали ныть икры, к тому же Айрис сбивала все ноги о каменистую тропу. В раздражении она решила покинуть петляющую тропинку и идти напрямую. Стараясь держать направление на озеро, Айрис храбро ринулась вниз по склону. И почти сразу обнаружила, что он слишком крут. Увы, она успела разогнаться настолько, что уже никак не могла сбавить темп. Оставалось лишь опуститься на корточки и скользить вниз по траве, надеясь на удачу.

С этого момента события развивались стремительно. Несмотря на все попытки затормозить, с каждой секундой она летела все быстрее и быстрее. Мир превратился в проносящиеся мимо синие и зеленые пятна, долина вдруг стеной закрыла небо. Подскакивая на кочках,

Айрис попыталась изменить курс в сторону небольшой рощицы, надеясь, что деревья помогут ей затормозить. К несчастью, они оказались старыми и гнилыми. Девушка без остановки проломилась сквозь рощицу и с неприятным звуком шлепнулась прямо на каменистую тропу.

Деревья все же несколько смягчили падение, но, когда Айрис поднялась на ноги, все ее тело болело. Несмотря на это, она машинально усмехнулась – сказывалась школьная закалка, нюнь там не жаловали.

– Занятно вышло, – пробормотала Айрис, извлекая занозы.

Чуть ниже по тропе виднелась часовенка; значит, направления она не потеряла. До гостиницы уже было недалеко, и Айрис бодро зашагала вниз по ущелью, предвкушая ожидающий ее комфорт. Холодный коктейль, горячая ванна, ужин в постель... Увидев за очередным изгибом ущелья блеск озерной глади, она даже перешла на прихрамывающую трусцу. Миновала изгиб – и застыла на месте от изумления.

Знакомые элементы пейзажа исчезли, словно кто-то прошелся по ним ластиком. Куда-то пропали деревянные домики, железнодорожная станция, пирс, гостиница. С чувством горькой досады Айрис поняла, что ее внутренний компас дал сбой. Озеро напоминало не глубокий зеленоватый овал, где они с друзьями ежедневно купались, а скорее бледно-голубую кляксу, мелкие берега которой заросли густым кустарником.

Оставался только один выход – возвращаться к часовенке и идти другой тропинкой. На этот раз вышло действительно забавно. Прежде чем заковылять вверх по тропе, Айрис снова усмехнулась – почти естественно. Однако в целом настроение было так себе, и она практически не замечала первобытного величия окружавшей ее горной местности. Ущелье было голым и безжизненным, между валунами ничего не росло, не слышалось даже птичьего пения. Лишь мелкие камушки шуршали под ногами, да еще время от времени слышался всплеск полузасохшего ручейка, пенившегося среди камней подобно запутанной белой нитке.

Привыкшая к компании, Айрис почувствовала, что скучает без голосов и лиц. Подавленная одиночеством, она не смогла удержаться от приступа жалости к себе. Ей пришло в голову, что, в отличие от остальных, возвращение в Англию не будет для нее дорогой домой. В лучшем случае – дорогой назад. Ведь и в Англии она жила в гостинице, а свою квартиру в дорогом районе сдавала. Здесь и сейчас она вдруг усомнилась, не слишком ли дорого платит за свою свободу.

Впрочем, и эти печальные мысли вскоре вылетели из головы, поскольку, выбравшись из ущелья, она столкнулась с настоящей проблемой. Оглядываясь вокруг, чтобы определиться с направлением, Айрис вдруг осознала, что часовня у развилки – вовсе не та, у которой она утром начала свой подъем по петляющей тропке. В этот раз она даже не попыталась усмехнуться, поскольку было явно не до шуток. Она-то думала, что знает все ущелья вокруг, поскольку вместе с компанией излазила их вдоль и поперек не хуже горной козочки. Однако она никогда не следила за местностью, так как всегда лишь шла за кем-нибудь следом. Проводником с неизбежностью оказывался один из приятелей, позаботившийся купить карту. В результате сейчас она не имела ни малейшего представления, куда идти.

– Куда-нибудь я ведь приду, главное – не останавливаться, – сказала себе Айрис. – В крайнем случае всегда можно спросить дорогу.

Чтобы идти, ей пришлось мобилизовать последние остатки упрямства – она сильно утомилась, не говоря уже о сбитых ногах. Достигнув наконец развилки, Айрис поняла, что для дальнейших экспериментов она недостаточно верит в себя, и, присев на камень, решила подождать: рано или поздно кто-нибудь пройдет мимо.

Наступил переломный момент. Начало формироваться неприятное осознание: ее так называемая независимость – на самом деле лишь способность выписывать чеки. По сути, таковы же истоки и ее популярности среди окружающих.

– Всю жизнь я только и шла, куда меня вели. Даже если кто-то пройдет мимо, лингвиста хуже, чем я, еще поискать!

По сути, Айрис себе льстила, поскольку оснований называться лингвистом у нее вообще не было. Как ни странно, ее полнейшее незнание иностранных языков стало прямым следствием школьных занятий в Париже и Дрездене. Все время она проводила в компании других учениц с берегов Альбиона, зато местные преподаватели могли до совершенства шлифовать нюансы своего английского. Так уж Айрис понимала строку из гимна «Правь, Британия!». Сейчас же, когда из-за поворота показался смуглый приземистый мужчина в кожаных шортах с грязноватыми цветастыми помочами, она вдруг усомнилась в пользе излишнего патриотизма.

Один из молодых людей в их компании отличался способностью к языкам. Обнаружив в местном наречии определенное сходство с немецким, он даже научился кое-как объясняться с помощью последнего, хотя и напрягал все свое воображение, чтобы хоть что-то понимать и быть понятым. Обратившись к встречному на английском, Айрис сразу же вспомнила те издевки, которым приятели подвергали бедолагу за его не особо успешные попытки. Крестьянин лишь вытаращил глаза, пожал плечами и покачал головой.

Айрис сделала еще одну попытку, несколько повысив голос. Безуспешно. Крестьянин уже собирался пройти мимо, когда Айрис, вскочив на ноги, решительно преградила ему путь. Сама себе она представлялась калекой, которому вырвали язык. Тем не менее отступить было некуда, она просто обязана заставить его понять!.. Чувствуя себя полной дурой, Айрис принялась жестикулировать, показывая в разные стороны от развилки и повторяя название деревушки, где находилась гостиница. «Не идиот же он, в самом деле?»

Похоже, крестьянин действительно понял, что она хочет, и даже несколько раз кивнул. Однако вместо того, чтобы указать направление, он вдруг разразился целой тирадой на непонятном наречии. Нервы Айрис, на которую обрушился поток гортанных звуков, не выдержали. Она поняла, что на взаимопонимание нет никаких шансов; с таким же успехом можно искать общий язык где-нибудь на задворках Азии. Без денег, неспособная объяснить, она обречена на бесконечные блуждания. Любая ошибка в выборе дороги уведет ее в глухомань, еще дальше от гостиницы, ведь ущелье, подобно фьорду, разделялось на множество рукавов.

Айрис ощутила ужас, лицо крестьянина вдруг стало расплываться, словно в дурном сне. Она попыталась удержать его перед глазами – влажную кожу, небольшой зоб... Впрочем, острее всего чувствовался резкий запах – очевидно, крестьянин сильно вспотел, поднимаясь в гору.

– Я вас не понимаю! – воскликнула она в совершенном отчаянии. – Ни единого слова! Замолчите! Да замолчите же, я сейчас с ума сойду!

Крестьянин, в свою очередь, тоже услышал набор бессвязных звуков. Перед ним стояла девушка в мужской одежде, худая и поэтому совершенно по местным меркам непривлекательная, с грязными и драными коленками. Мало того, она ухитрилась довести себя до истерики и при этом оказалась редкостной тупицей, поскольку никак не могла взять в толк, что все это время повторяла лишь первую часть названия деревни – а в округе таких деревень три. Что он ей и объяснил, прежде чем спросить полное название.

Ситуация была патовая. В конце концов крестьянин еще раз пожал плечами и зашагал вверх по тропе, а Айрис осталась наедине с окружающими горами.

По приезде Айрис накупила открыток с видами гор и разослала всем знакомым, снабдив стандартной надписью: «Разве не чудесный пейзаж?» Кое-где она пометила один из пиков небрежным крестиком, подписав: «А вот тут я живу». Теперь горы мстили за все. Айрис ждалась в комок под выступающими утесами – тем достаточно слегка пошевелиться, и лавина камней сотрет ее в порошок. Рядом со скалами она ощущала себя полным ничтожеством. Горы сожрали ее индивидуальность, выпили ее душу...

И в этот миг совсем рядом зазвучала английская речь! Из-за поворота вышли молодожены, жившие с ней в одной гостинице. Своей спокойной невозмутимостью и исполненным благородства видом влюбленная пара снискала уважение даже у компании Айрис. Мужчина был высокого роста, приятной внешности и, очевидно, привык повелевать. В его голосе звучали командирские нотки. Официанты срывались с места от одного лишь его кивка, а хозяин – вероятно, впечатлившись ценой, уплаченной за номер люкс, – обращался к нему не иначе как «милорд».

Его жена, почти не уступавшая ему ростом, отличалась безупречной фигурой и столь же идеальным лицом. Она носила изысканную, хотя и совершенно неподходящую для горной местности одежду. Впрочем, было ясно, что она ни капли не озабочена выбором костюма и одевается исключительно для того, чтобы порадовать мужа.

Молодожены жили сообразно своему собственному стандарту, не обращая внимания на остальных гостей, которые единодушно решили, что перед ними – представители высшего общества. Ходили слухи, что фамилия «Тодхантер», под которой они зарегистрировались в гостинице, не настоящая, а всего лишь способ сохранить анонимность.

Парочка миновала Айрис, почти не обратив на нее внимания. Мужчина рассеянно поднял шляпу, но в его взгляде не промелькнуло ничего похожего на узнавание. А женщина даже не подняла фиалкового взгляда от каменистой тропы – что было неудивительно, учитывая опасную высоту ее каблуков. Она что-то говорила мужу – негромко, но очень эмоционально.

– Нет, дорогой! Ни днем больше! Даже ради тебя. Мы и так уже... – удалось расслышать Айрис; конец фразы от нее ускользнул. Она решила, что просто отправится следом за молодоженами, стараясь не особо афишировать своего присутствия, поскольку не питала ни малейших иллюзий по поводу своего внешнего вида после спуска с горы. Появление англичан вернуло ее к привычному расположению духа, поскольку означало, что гостиница совсем рядом – молодожены не были замечены в пристрастии к дальним прогулкам. Нависшие над головой скалы уменьшились в размерах, словно захваченные видеоискателем фотоаппарата, а сама она из затерявшегося в неведомых дальях жалкого существа вновь превратилась в девушку из Лондона, озабоченную разве что покроем собственных шортов.

Довольно скоро впереди появилась часовенка, где Айрис в прошлый раз свернула не туда. С трудом ковыляя вниз по тропинке, Айрис увидела сперва отблеск на темной воде озера, а потом и огни гостиницы, сияющие сквозь зеленоватые сумерки. Усталая и голодная, она думала лишь о предстоящем ужине и горячей ванне. Казалось, что о случившемся с ней приключении напоминали только немногочисленные физические повреждения.

Глава 3. Беседа

Вернувшись в гостиницу, молодожены застали оставшихся в ней четверых гостей на посыпанной гравием площадке у веранды. Гости наслаждались тем расслабленным временем суток, когда уже слишком темно, чтобы писать письма или читать, но еще рановато для ужина. Пустые чашки и крошки от пирожных на одном из столиков означали, что чай сегодня подавали на веранде и с тех пор никто не сдвинулся с места.

Обеим сестрам Флад-Портер было за пятьдесят, и порхать туда-сюда им совсем не пристало, да и заботы о фигуре остались далеко в прошлом. Их седые волосы были безукоризненно завиты; впрочем, отдельные уцелевшие прядки первоначального цвета позволили бы вежливому человеку назвать их блондинками. Лица обеих отличались прекрасным цветом кожи – и довольно-таки эмоциональным выражением. Впрочем, кожа мисс Эвелин, которой было под шестьдесят, уже стала слегка усыхать, в отличие от мисс Роуз, которая своей шестой десяток едва разменяла. Младшая сестра была крупнее и выше ростом, голос ее был чуть громче, румянец на щеках – чуть ярче. В целом доброжелательная, она не чуралась дружеской издевки, так что ее партнерам по бриджу иной раз изрядно перепало.

За время поездки сестры успели образовать квартет с преподобным Кеннетом Барнсом и его супругой. Они прибыли сюда на одном поезде и договорились, что уедут тоже вместе. Благодаря викарию и его жене в квартете царил дух доброго компанейства, а сестры, лишенные подобного дара, отвечали за формирование общего мнения и общих же предрассудков.

Двор был уставлен чугунными столиками, скамьями, выкрашенными в яркие цвета, и дополнительно украшен пыльными растениями в кадках. Обводя все это взглядом, старшая из сестер Флад-Портер вспомнила собственный уютный домик неподалеку от собора. Если верить газетам, в Англии шли дожди, поэтому сад наверняка выглядит великолепно – пышная зелень лужайки, окруженная клумбами астр и георгин.

– Как я мечтаю вернуться в свой дом! – воскликнула она.

– В наш дом, – немедленно поправила младшая сестра, всегда обходившаяся без особых церемоний.

– Я если о чем и мечтаю, так об удобном кресле... – усмехнулся викарий. – А вот и наши молодожены!

Несмотря на обычную расположенность к ближнему своему, от громкого приветствия он все же воздержался. Его первая – и единственная – попытка сблизиться вызвала столь холодный прием, что он зарубил себе на носу: эта пара не желает вторжения в свою частную жизнь. Викарий молча откинулся на спинку скамьи, попыхивая трубкой и наблюдая, как молодожены поднимаются по лестнице на веранду.

– Они очень подходят друг другу, – одобрительно заметил он, когда пара удалилась.

– Хотела бы я знать, как их зовут на самом деле, – сообщила старшая мисс Флад-Портер. – Лицо мужчины кажется знакомым. По-моему, я где-то его уже видела.

– Может быть, в кино? – предположила ее сестра.

– Вы часто ходите в кино? – вмешалась миссис Барнс в надежде, что сейчас и ей удастся внести вклад в установление общих вкусов. До сих пор она стеснялась упоминать о своей страсти к кинематографу.

– Только если играют Джордж Арлис или Дайана Уиньярд, – уточнила мисс Эвелин.

– Тогда эта версия отпадает, – улыбнулся викарий. – Мужчина точно не Джордж Арлис, да и дама – не Дайана.

– И все равно я уверена, что здесь какая-то тайна, – настаивала мисс Эвелин.

– Я тоже, – подхватила миссис Барнс. – Иной раз я даже сомневаюсь, что у них... что они связаны узами брака.

– Это ты-то? – перебил ее муж и беззлобно рассмеялся, увидев, как лицо жены заливают краска. – Прости, дорогая, что я вмешиваюсь, но не проще ли предположить, что все мы действительно являемся теми, кем хотим казаться? Включая священников и их жен? – Он выбил трубку и встал. – Пойду-ка я в деревню, поболтаю с новыми друзьями.

– Как он умудряется с кем-то болтать, не зная языка? – бесцеремонно спросила мисс Роуз, едва викарий удалился.

– Он знает, как сделать, чтобы его понимали, – с гордостью в голосе объяснила миссис Барнс. – Главное – внимание к собеседнику, в конце концов все мы люди. Он бы и с дикарями договорился.

– Боюсь, мы его отпугнули неподобающими разговорами, – предположила мисс Эвелин.

– Я сама виновата, – вздохнула миссис Барнс. – Про меня часто говорят, что я сую нос не в свои дела. По правде сказать, я если и интересуюсь чужими делами, то через силу. В знак протеста против нашей английской сдержанности.

– Это скорее повод для гордости, – проронила мисс Роуз.

– Разумеется... Порой мне приходится напоминать себе, что любой человек может попасть в беду и нуждаться в помощи. Если я не помогу ему сейчас, другого случая уже не представится.

Сестры посмотрели на нее с одобрением. Перед ними была худенькая женщина за сорок, темноволосая, с бледным овальным лицом, но выражение на нем было самое доброжелательное. Большие карие глаза светились добротой и непосредственностью, а манеры оставляли впечатление совершенной искренности. Ее нельзя было заподозрить ни в малейшей нечестности.

В свою очередь, миссис Барнс была хорошего мнения о сестрах. В них чувствовалась основательность и надежность. Из людей такого сорта получают прекрасные присяжные заседатели, достойно исполняющие свой долг перед Богом и людьми. При этом сестры никогда в жизни не работали и жили в собственном доме с хорошо вышколенными служанками и очаровательным садиком – на проценты с банковских вкладов. Зная это, миссис Барнс, не в силах удержаться от простых человеческих чувств, исполнялась тайного превосходства при мысли, что единственный мужчина в квартете принадлежит именно ей. О, миссис Барнс прекрасно сознавала, как важно чувствовать, что у тебя есть муж – ведь до сорока лет она выезжала на отдых лишь в компании таких же, как и сама, старых дев. Со дня окончания школы она зарабатывала на жизнь учительским трудом, пока не случилось чудо, даровавшее ей сначала мужа, а потом и сына!

Оба супруга были так поглощены ребенком, что викарий начал задумываться, не ищут ли они судьбу. Вечером перед тем, как отправиться на отдых, он предложил жене пакт.

– Да, наш малыш прекрасен, – начал викарий, глядя на спящего в кроватке мальчика. – Но... Моя работа – доносить до людей Божьи заповеди. И я уже начинаю подозревать...

– Я понимаю, – прервала его жена. – Не сотвори кумира.

Викарий кивнул.

– Я виноват не меньше твоего, – продолжил он. – И намерен принять меры. По долгу служения мы с тобой влияем на наших ближних, как никто другой, поэтому нам самим следует быть гармоничными и ни в коем случае не заикливаться на чем-то одном. Если отдых и пойдет нам на пользу, то в первую очередь как возможность изменить образ мыслей. Дорогая, давай пообещаем друг другу, пока мы в отъезде, избегать разговоров о Гэбриэле?

Хотя сын остался с бабушкой, которая глаз с него не спускает, миссис Барнс все равно переживала за его здоровье как последняя дурочка.

Итак, жена викария вновь принялась считать часы до встречи с сыном, мисс Эвелин улыбалась, предвкушая встречу со своим садом, зато в голове мисс Роуз шла напряженная работа мысли, а она была из тех, кто, попав в колею, остается в ней до упора.

– Я вообще не понимаю, как люди могут лгать! – объявила она вдруг. – Ну, разве что какой-нибудь несчастный пролетарий из страха перед начальством. Но люди нашего круга? Я знаю одну обеспеченную даму, которая хвасталась тем, что обвела вокруг пальца таможенника. Какой позор!

В этот самый момент у калитки, ведущей в гостиничный двор, появилась Айрис. Девушка постаралась не слишком приближаться к сидящим за столиком, однако не услышать, о чем они говорят, не могла.

– Боюсь, я не вправе судить окружающих, – ясным голосом школьной учительницы откликнулась миссис Барнс. – У меня-то никогда не было ни малейшего соблазна солгать.

«Разве не врунья?» – мелькнуло в голове у Айрис, которая вымоталась настолько, что готова была рухнуть без чувств. Чтобы добраться до гостиницы, ей потребовалось собрать в кулак всю волю до последнего атома. Нервы гудели, как готовая лопнуть струна. Как ни жаждала Айрис попасть в тишину собственной комнаты, прежде чем подняться вверх по лестнице, ей нужно было хоть чуть-чуть передохнуть. Чувствуя, что каждый мускул молит о пощаде, она упала на ближайшую скамью и закрыла глаза, подумав только: «Если они со мной заговорят, я заорю!»

Сестры Флад-Портер переглянулись и поджали губы. Даже в добрых карих глазах миссис Барнс не было видно ни капли тепла – она больше других пострадала от дурных манер и бесцеремонности тусовки. Молодежь вела себя так, словно они выкупили гостиницу целиком, а все остальные – просто незваные гости. Наглые молодые люди требовали от прислуги особого отношения и не стеснялись добиваться его с помощью чаевых. Это задевало других гостей, которые честно оплатили свое путешествие в туристическом агентстве и имели все основания полагать, что в цену входит и сервис. Тусовка монополизировала бильярдный стол, захватила лучшие места в обеденном зале. Пищу им тоже приносили раньше других; доев полуостывший ужин, остальные гости обнаруживали, что молодежь израсходовала на душ всю горячую воду, так что им доставалась еле теплая. Даже викарий почувствовал, что теряет свою обычную доброжелательность. Как он ни старался списать все на присущую молодости особую витальность, в тусовке далеко не всех можно было назвать юнцами.

К несчастью, среди так называемых друзей Айрис были и такие, которыми Англия вряд ли могла бы гордиться. Учитывая, что одну девушку в купальнике не очень легко отличить от другой, миссис Барнс пришла к выводу, что все они одного поля ягоды и приехали сюда только пьянствовать да совокупляться. Откровенные наряды задевали ее скромность, а шум по ночам не давал заснуть. Потому-то она и была так обрадована перспективой провести последние два дня в покое, наслаждаясь окружающими видами и приятной компанией. И тут вдруг оказалось, что развязные молодые люди еще не убрались восвояси – одна особа здесь, а где одна, там и остальные.

Миссис Барнс отчасти выделяла Айрис из остальной тусовки – девушка была симпатичной, и за ней повсюду таскался мужчина с бабьей фигурой. Впрочем, поскольку мужчина был женат, это не делало ей чести. Однако сейчас она выглядела такой измученной, что довольно скоро миссис Барнс ощутила укол совести – человеку явно нужно было сочувствие.

– Неужели вас оставили одну? – спросила она как можно более доброжелательно.

Айрис вздрогнула от неожиданности. Меньше всего ей в этот момент требовалось внимание кого-то из старичков – опыт подсказывал, что ими движет лишь любопытство.

– Да, – ответила она односложно.

– Бедняжка, как вам не повезло. Вы, наверное, скучаете?

– Нет.

– Вы так молоды, а путешествуете одна. Неужели никто из вашей семьи не смог составить вам компанию?

– У меня нет семьи.

– Вообще никого?

– Ни родителей, ни других родственников. Повезло, да?

Айрис сидела слишком далеко от мисс Эвелин, чтобы услышать, как та потрясенно вздохнула, но и то, что миссис Барнс умолкла, было достаточно красноречиво – грубость Айрис достигла цели. Чтобы избежать дальнейших расспросов, Айрис нечеловеческим усилием – ни один сустав не желал разгибаться – поднялась на ноги и погнала себя к входу в гостиницу, а потом наверх, в номер.

Миссис Барнс принужденно рассмеялась:

– Кажется, я опять сделала что-то не то. Девушка явно была не рада, что я с ней заговорила. Но нельзя же просто сидеть как истукан и делать вид, что вообще ею не интересуешься?

– А она сама вами интересуется? – возмутилась мисс Роуз. – Вами или кем-то из нас? Такие девицы думают только о себе. Да она и пальцем не шевельнет, чтобы кому-то помочь!

Ответ на вопрос мисс Роуз был совершенно очевидным, однако миссис Барнс была слишком вежлива, чтобы его произнести.

Ни она, ни кто-либо еще не мог и предположить, что в следующие двадцать четыре часа грянут такие события, когда эта девушка, оказавшись одна против множества свидетелей, пойдет на граничащие с безумием моральные муки ради случайной попутчицы, с которой ее не связывает ничего личного.

При условии, что попутчица – мисс Фрой – вообще существует.

Глава 4. Зов Родины

Одна прорицательница сообщила Айрис, что линии у нее на ладони образуют квадрат, и это означает безопасность. Айрис тогда лишь рассмеялась, но с тех пор верила, что, в отличие от других, действительно живет под невидимой защитой. Вот и сейчас, в момент душевного кризиса, звезды явно стремились ей помочь. Сначала была прогулка в горах, ставшая первым предостережением. Теперь ей предложила компанию посторонняя женщина, и это могло оказаться спасением от одиночества.

Однако Айрис отвергла все, что могла дать ей безопасность, из ложного чувства верности покинувшим ее друзьям. Она стала скучать по ним, как только вошла в гостиную, сегодня такую безлюдную. Проходя по коридору, она одну за другой миновала пустые спальни; пол в них был усыпан мусором, постели разобраны, матрасы перекинута через подоконники, чтобы проветриться. Айрис требовалась моральная поддержка, чтобы вести себя как обычно. В тусовке не было принято специально переодеваться к ужину, разве что вечер выдавался прохладным. Как-то раз, когда одна из дам явилась на ужин в купальном костюме, дело, к восторгу тусовки, закончилось жалобой: сестры Флад-Портер, которые всегда надевали к ужину дорогие и безумно скучные платья, почувствовали себя уязвленными. Айрис вспомнила эту историю, вытираясь после душа. Чувствуя легкий стыд оттого, что идет на поводу общественного мнения, она порылась в чемодане и достала так до сих пор и не распакованное плиссированное платье из легкого крепа.

Горячая ванна и отдых вернули ей силы, однако, облокотившись на балюстраду, она вновь почувствовала одиночество. Ее печальная поза и изящный покрой платья немедленно привлекли внимание вышедшего из номера молодожена, которого, если верить гостиничной книге регистраций, звали Тодхантер. Он понятия не имел, кто это такая, не говоря уже о том, что несколькими часами раньше послужил этой девушке путеводной звездой. Пищу ему с женой сервировали в их собственной гостиной, так что с тусовкой он почти не пересекался, поэтому решил, что перед ним одинокая постоялица, которую он в суматохе как-то упустил из виду. Окинув ее взглядом знатока и одобрив увиденное, Тодхантер остановился и попробовал завязать разговор:

– Наконец-то выдался тихий вечерок. От этой толпы было столько шума!

К его удивлению, девушка ответила довольно холодно:

– Вечер действительно тихий. Но мне скучно без моих друзей.

Айрис спускалась по лестнице, радуясь, как ловко поставила нежеланного собеседника на место. Разумеется, ее друзья значительно превосходили остальных, однако от всего эпизода остался какой-то неприятный осадок, мешавший насладиться полнотой триумфа. В тусовке общественное неодобрение считалось знаком достоинства. Ее участники говорили друг другу: «Мы здесь не пользуемся особой популярностью» или: «Что-то нас недолюбливают». Айрис, загибнотизированную вполне довольным тоном, которым все произносилось, такое положение дел вполне устраивало. И только оставшись одна, она вдруг обнаружила, что остальные гости – надо полагать, приличные и воспитанные люди – не склонны считать ее за свою. И что это вовсе не так забавно, как ей казалось.

Настроенная уже не столь дерзко, Айрис вошла в ресторан. Стены большого и пустынного зала были оклеены плотными темно-синими обоями с золотым тиснением, изображавшим звезды. Электрические лампочки светили из неуклюжих кованых подсвечников, наводивших на мысль о голливудской постановке из средневековой жизни. Скатерти были не на всех столах, у дверей скучал единственный официант. Поскольку большая группа англичан уже уехала, значительную часть прислуги тоже отправили по домам. Через несколько дней гостиница закрывалась на зиму.

Оставшиеся гости, похоже, не обращали внимания на понизившийся в связи с окончанием сезона уровень сервиса. За одним из столов располагались сестры Флад-Портер в компании викария и его жены. Все были в прекрасном настроении и усердно развлекали друг друга анекдотами, почерпнутыми из юмористических журналов.

Айрис демонстративно выбрала маленький столик в самом углу и закурила сигарету. Другим гостям уже подали вторую перемену блюд. Миссис Барнс, которая ни на кого долго не держала обиды, одобрительно посмотрела на девушку.

– Насколько все-таки ей идет быть в платье!

– Это дневное платье, – уточнила мисс Эвелин. – Находясь за границей, мы считаем своим долгом выходить к ужину в вечернем!

– Иначе мы были бы недостойны называться англичанками, – подтвердила младшая сестра.

Айрис растянула ужин как можно дольше, но он все же кончился, и ей волей-неволей пришлось выйти в гостиную. Для прогулки не оставалось сил, а лечь спать было еще рано. Оглянувшись вокруг, она с трудом заставила себя поверить, что еще вчера комната казалась исполненной местного континентального лоска и импортного английского веселья. Сегодня, лишенная общества друзей, Айрис прекрасно видела, насколько дешевой и претенциозной была окружающая роскошь. Позолота на плетеных креслах начала облезать, малиновый бархат обивки местами вытерся. При виде окурков и горелых спичек в кадках с пальмами к ее горлу подкатил комок – это было единственное, что напоминало о друзьях.

Она присела в сторонке. Викарий с трубкой в зубах наблюдал за ней, задумчиво прищурясь. В четких чертах его лица читались одновременно сила и чувствительность, практически идеальное равновесие между духом и плотью. Викарий играл в регби с молодыми прихожанами, после чего ему уже не составляло труда завоевать их души, но и в личных проблемах своих прихожанок он тоже разбирался неплохо. Жена уже сообщила ему, что Айрис предпочитает одиночество, и викарий ее понимал – ему самому иной раз хотелось побыть подальше от людей, даже от собственной жены. Поэтому он склонялся к тому, чтобы оставить ее скучать в покое, но затем темные круги под глазами девушки и печально опущенные уголки рта тронули его. В конце концов викарий решил, что лучше снять камень с души, даже рискуя нарваться на дерзость. А риск был серьезный – он понял это, уже встав на ноги и пересекая комнату, по настроенному взгляду, который бросила на него девушка.

«Еще один», – подумала Айрис.

Одухотворенное лицо священника даже вызывало в ней уважение, но сегодня вечером он, увы, принадлежал к вражескому лагерю. Фраза «От этой толпы было столько шума!» сама собой всплыла в голове еще до того, как викарий успел открыть рот.

– Я слышал, вы возвращаетесь в Англию одна. Не хотите ли присоединиться к нам?

– А когда вы едете?

– Послезавтра, последним экспрессом в этом сезоне.

– А я... я еду завтра! Спасибо за приглашение.

– Что ж, приятного путешествия.

Викарий слабо улыбнулся в ответ на скоропалительное решение Айрис и направился к письменному столу подписывать багажные ярлыки. Миссис Барнс поняла, что другого такого шанса у нее не будет. Стремясь соблюсти данное мужу обещание, она впала в противоположную крайность и вообще не упомянула новым знакомым о ребенке, не считая одной небрежной фразы про «своего малыша». Но теперь, перед самым возвращением, невозможно было удержаться и не похвастаться фотографией сына. Бросив вслед мужу виноватый взгляд, миссис Барнс вытащила из сумочки мягкий кожаный футляр.

– Мой богатырь! – объявила она.

Сестры Флад-Портер любили животных, а вот детьми никогда особо не интересовались. Тем не менее они с уверенностью, происходящей от хорошего воспитания, произнесли все приличествующие слова, и материнское сердце преисполнилось чувством гордости. Однако в тот момент, когда викарий закончил писать и вновь присоединился к ним, мисс Роуз резко сменила тему:

– Верите ли вы в вещие сны, мистер Барнс? Дело в том, что нынче ночью мне приснилась железнодорожная катастрофа.

Вопрос привлек внимание Айрис, и она наострила слух, чтобы не пропустить ответ викария.

– Я попробую ответить, – начал тот, – но сперва хотел бы сам задать вопрос. Что, по вашему, представляет собой сон? Скрытое от сознания проникновение в суть вещей, или...

– Не хотите ли взглянуть на фотографию моего сыночка, Гэбриэла? – поинтересовался кто-то над самым ухом Айрис. Она обнаружила, что миссис Барнс, усевшись рядом, протягивает ей фотографию голого карапуза. Айрис сделала вид, что изучает фото, отчаянно стараясь расслышать, что говорит викарий.

– Гэбриэл, – пробормотала она, чтобы хоть что-то сказать.

– Да, мы назвали его в честь архангела Гавриила!

– Как мило. Надеюсь, он прислал поздравительную открытку?

Глаза миссис Барнс округлились, щеки залила краска. Девица решила самым богохульным образом оскорбить ее дорогого мальчика – просто потехи ради. Поджав губы, чтобы не разрыдаться, миссис Барнс вернулась к своим компаньонам.

Айрис, в свою очередь, была рада, что неожиданная помеха устранилась сама собой. Она и не подозревала, что нагрубил, поскольку пропустила мимо ушей большую часть сказанного мисс Барнс. Ее внимание было приковано к беседе о предзнаменованиях.

– Можете думать так, если хотите, – говорила в это время мисс Роуз, отменяя в сторону сказанное перед тем викарием. – Я – за здравый смысл. На последний поезд всегда продают столько билетов, что он набит под завязку. Если удастся без приключений добраться до Англии, можно считать, что нам повезло.

Мрачные предчувствия ощутимо сгустились в воздухе.

– Вы же не верите, что с нами что-то случится, правда? – воскликнула миссис Барнс, судорожно прижимая к груди фотографию Гэбриэла.

– Разумеется, нет, – ответила за сестру мисс Эвелин. – И все-таки мы находимся в чужой стране, далеко от дома. И при этом не понимаем ни слова на местном наречии!

– Она хочет сказать, – перебила ее мисс Роуз, – что пока мы находимся в гостинице или в поезде в соответствии с расписанием, опасаться нечего. Но случись любая авария – или даже задержка поезда, так что мы не успеем на пересадку – и застрянь мы в какой-нибудь деревушке, мы ведь ничего не сможем сделать! И с деньгами сразу возникнут сложности, мы же не везем с собой наличность!

– Как вы думаете, – обратилась старшая сестра к викарию, – не стоит ли нам прислушаться к вещему сну и поехать домой завтра, а не послезавтра?

– Ни в коем случае! – прошептала про себя Айрис. Она с болезненным интересом ожидала ответа викария. Ей вовсе не хотелось ехать с этими скучными и назойливыми людьми в одном поезде.

– Поступайте так, как вам подсказывает сердце, – ответил наконец викарий. – Только помните, что, уехав раньше, вы не просто уступите суеверию, но еще и лишите себя целого дня, проведенного в столь замечательном месте.

– И все наши билеты на послезавтра, – кивнула мисс Роуз. – Лучше бы, конечно, избежать ненужной путаницы... Знаете, пойду-ка я собирать чемоданы, чтобы быть готовой возвращаться домой, в старую добрую Англию!

К всеобщему удивлению, ее обычно столь уверенный голос был окрашен каким-то непривычным чувством. Дождавшись, пока мисс Роуз выйдет из гостиной, ее сестра поспешила объяснить:

– Это все от нервов. Перед самой поездкой на нашу долю выпало столько переживаний! Доктор посоветовал перемену мест, потому мы и отправились сюда, а не в Швейцарию.

В гостиную вошел хозяин и в качестве знака внимания к гостям принялся вертеть ручки приемника, пока не поймал Лондон на длинных волнах. Сквозь пулеметные очереди атмосферных разрядов пробился знакомый бархатный голос:

– Вы только что прослушали...

Никто из собравшихся, разумеется, ничего не слушал. Мисс Эвелин видела перед собой сад, залитый серебряным светом полной луны, и думала о том, что бутоны хризантем – по три в каждом горшке – уже должны были набухнуть.

Мисс Роуз, которая деловито укладывала чемодан, вздрогнула от неприятного воспоминания. Перед мысленным взором снова возникла зияющая дыра в клумбе, где еще вчера рос куст великолепных белых дельфиниумов. Дело было даже не в самой потере, а в мучительном чувстве неведения, где именно враг нанесет очередной удар...

Викарий с женой думали о спящем в кроватке сыне. Нужно решить, что лучше – просто посмотреть и уйти или поцеловать младенца, рискуя его разбудить.

Айрис представляла друзей в грохочущем поезде, и ее неожиданно захлестнула волна ностальгии.

Родина звала домой.

Глава 5. Ночной экспресс

Как случилось каждую ночь, Айрис разбудил вой ночного экспресса, мчащегося сквозь тьму. Выскочив из постели, она бросилась к окну и успела увидеть, как огненная змея огибает озеро. Когда поезд загрохотал под самой гостиницей, золотое сияние распалось на ожерелье из ярко освещенных окон; удаляясь, они опять стягивались в единое целое, словно звенья надежного на руку браслета.

Поезд уже скрылся в ущелье, но Айрис какое-то время могла следить за его движением по клубам подсвеченного снизу красным дымом. В ее воображении он мчался все дальше и дальше через Европу, словно раскаленные ножницы сквозь обугливающуюся географическую карту. Поезд пронзал город за городом, со свистом нанизывая их на сверкающую нить. Перед глазами вспыхивали и гасли названия: Бухарест, Загреб, Триест, Милан, Базель, Кале... Айрис вновь захлестнула тоска по дому, пусть даже домом для нее была лишь комната в отеле. К тоске примешивались дурные предчувствия – следствие вчерашней прогулки по горам.

– Что, если я... если со мной что-то случится и я уже никогда не увижу дома?

Айрис чувствовала, что произойти может всякое. Авария, болезнь, нападение бандитов – все порой случалось в жизни других людей. Ловушки окружали со всех сторон, и защитный квадрат на ладони в любой момент мог дать слабину.

Лежа в постели и ворочаясь с боку на бок, она успокаивала себя тем, что проводит под комковатым, набитым перьями одеялом последнюю ночь. Следующие две она тоже будет нестись сквозь мрак, раз за разом просыпаясь от яркого света, когда экспресс с ревом пролетает очередную станцию. О том же самом Айрис подумала и поутру, окинув взглядом ледяные пики гор на фоне рассветного румянца.

– Сегодня я еду домой!

Воздух за окном оказался прохладным. С озера, поблескивавшего зеленым сквозь желтые опахала каштанов, поднимался туман. Как ни сияла осень лазурью и золотом, Айрис оставалась безразличной к ее великолепию. Забыла она и о недостатках своего гостиничного номера – выкрашенных ядовитой охрой деревянных стенах и обшарпанном умывальнике с жестяной емкостью для воды вместо водопровода. В мыслях Айрис уже покинула гостиницу и отправилась в путь. Спустившись к завтраку, она почти не заметила присутствия прочих постояльцев, тех самых, что всего несколько часов назад вызывали в ней столь резкую антипатию.

Сестры Флад-Портер, в приличествующих случаю платьях – в их планах значилось написание корреспонденции на свежем воздухе, – завтракали за столиком у окна. Они не поприветствовали Айрис, хотя, разумеется, вежливо склонили бы головы, встретиться она с ними взглядом. Айрис даже не обратила внимания, поскольку уже успела выбросить их из головы, и молча уселась пить кофе. Тишину нарушали только отдельные реплики сестер, которых беспокоило, не помешает ли свадьбе некоего военного изменчивая английская погода.

У конторки Айрис чуть не столкнулась с миссис Барнс, но та была занята попытками объяснить с портье, поскольку обнаружила письмо в ячейке своего номера. Судя по ее серому шерстяному костюму и пакету с сэндвичами, семейство Барнс запланировало дальнюю прогулку. Да и викарий, набивавший трубку на веранде, был одет не совсем привычно – шорты, свитер, башмаки с шипастой подошвой и, наконец, украшенная крошечным голубым перышком фетровая шляпа, явно приобретенная здесь в качестве сувенира. Викарий улыбался счастливой улыбкой, доброй и праздничной, и показался Айрис ожившей статуей святого, сбегавшей ненадолго из храма, чтобы чуть-чуть подзагореть. Впрочем, последовавший за этим диалог поколебал ее благорасположенность – а между прочим, он повлиял и на ее собственную дальнейшую судьбу.

- Откуда письмо, из дома? – окликнул жену викарий.
- Да, – ответила миссис Барнс после небольшой паузы.
- Я думал, прошлое письмо матушки было последним. О чем же она пишет?
- Просит, чтобы мы на обратном пути кое-что купили для нее в Лондоне. Какого-то шелка. Как у юной принцессы Маргарет.
- Ты же устанешь с дороги! Как она об этом не подумала?
- Действительно. – В голосе миссис Барнс прозвучали необычно резкие нотки. – Могла бы и подумать!

Айрис оставила их продолжать беседу. У ее вчерашнего не слишком-то достойного поведения внезапно обнаружились смягчающие обстоятельства – она имела полное право оградить себя от скучных разговоров о житейских мелочах. Проходя вдоль отеля, Айрис была вынуждена отклониться чуть в сторону, чтобы не показалось, что она лезет к молодоженам, поскольку отдельная гостиная их номера выходила прямо на веранду. Сегодня они завтракали булочками и фруктами при открытых дверях. На муже был великолепный китайский халат, на жене – изысканная накидка поверх шелковой пижамы. Тодхантеры всегда подсознательно раздражали Айрис, в их поведении сквозила чуть заметная фальшь. Нечто похожее девушка чувствовала, наблюдая сцену страсти в исполнении двух блестящих актеров на экране кинотеатра. Такая же любовь была и у Тодхантеров – безукоризненные костюмы, тщательная внутренняя цензура, правильный поворот головы в профиль к зрителю.

Тодхантер с нескрываемым любопытством взглянул в глаза прекрасной юной жены. Айрис внутренне замерла – действительно, все как в кино.

– Дорогая, как тебе наш отдых?

Миссис Тодхантер также прекрасно знала свою роль и умела выдержать паузу.

– Великолепно! – наконец отозвалась она.

Безукоризненно рассчитанная длительность паузы достигла желаемого эффекта.

– Тебе не понравилось? Дорогая, неужели...

Айрис уже миновала их и не расслышала окончания фразы, но все равно ощутила нотку зависти. Ее собственный романтический опыт сводился к нескольким весьма банальным эпизодам и закончился вместе с демонстративно фарсовым обручением.

Утро тянулось бесконечно долго, однако наконец закончилось и оно. Собирать Айрис было почти нечего – заботливые приятели забрали с собой основную часть багажа. Оставшуюся пару часов она как-то убила – в некотором смысле утопила, купаясь в озере, затем, переодевшись для поездки, спустилась в ресторан. Основное блюдо, залитое желе и усыпанное зеленью и мелконарезанным яйцом, выглядело заманчиво, но то, что было под всей этой красотой, больше всего напоминало вареных угрей. Внутренне содрогнувшись, Айрис заняла маленький, расписанный желтыми цветочками столик снаружи и ограничилась картофельным супом и виноградом. Солнце весело сверкало сквозь листву каштанов, освещая усыпанный гравием дворик, но железная скамья была слишком жесткой и холодной. До поезда оставалось еще больше часа, и Айрис решила, что лучше провести этот час на станции и напоследок насладиться видами. Она успела здорово разволноваться, и надо было себя чем-то занять. Оплата счета и щедрые чаевые еще не разбредшейся по домам прислуге доставили ей неожиданное удовольствие. Никого из постояльцев видно не было; тем не менее она припустила через сад, как сбежавшая с уроков школьница, опасаясь, что в последний момент ее схватят за руку.

Строгое дорожное платье и высокие каблуки воспринимались как непривычные и не слишком удобные после нескольких недель свободы, зато это было одним из признаков возвращения к цивилизации. Оказавшись наконец на платформе – чемодан у ног, озеро сверкает далеко внизу, – Айрис поняла, что находится на вершине блаженства. Воздух был кристально чистый и чуть морозный, как часто в горах. Купаясь в свете солнца, она смотрела на поднятый

шламбаум и предвкушала, как он опустится и как на рельсах вдаль возникнет сплюснутый перспективой паровоз.

На платформе было людно – прибытие экспресса являлось главным событием дня. Вокруг лотков с фруктами и газетами болталась праздная публика, в равной пропорции состоявшая из местных и приезжих. Вся эта пестрая компания весело переговаривалась на многих языках, но английского Айрис не слышала до тех пор, пока со стороны деревни не появились двое мужчин. Они облокотились на ограду за ее спиной и, очевидно, продолжили какой-то спор. Сперва Айрис не слишком заинтересовалась и не стала оборачиваться, однако голоса были настолько выразительными, что вскоре она уже мысленно представляла себе обоих.

Голос того, что помоложе, звучал эмоционально и не отличался особой размеренностью. Айрис была уверена, что он принадлежит обладателю острого, полного идеями ума. Хотя речь лилась очень быстро, порой говоривший спотыкался – похоже, не столько от недостатка слов, сколько от их избытка. Постепенно Айрис ощутила к нему симпатию, отчасти оттого, что почувствовала родственную душу – ее собственные мысли обычно находились в таком же диссонансе, – но еще и от инстинктивной неприязни к другому, педантичному голосу. Его обладатель тщательно формулировал фразы, что свидетельствовало о заостренном сознании, особенно же раздражал покровительственный тон.

– Элементарно, мой дорогой Хэйр! – Айрис даже удивилась, что не Ватсон. – Вы не правы. Давно и неопровержимо доказано, что лучшей системы правосудия, чем суд присяжных, нет и не может быть.

– Суд болванов, – перебил его собеседник. – Вот вы говорите, что это обычные граждане. Да не бывает никаких обычных граждан, все битком набито предрассудками! Женщина может тайне ревновать ко всем представительницам своего пола, мужчина – быть повернутым на вопросах морали. Поставь перед ними обвиняемую – они ее осудят, причем каждый – за свое! Находясь в суде, мыслями они дома или на работе. Им лишь бы поскорее отделаться, зачем вникать в детали!

– Но присяжные обязаны следовать указаниям судьи.

– Думаете, они их помнят? Вы и сами прекрасно знаете, что цепь чужих рассуждений очень сложно удержать в памяти. Даже когда судья все разжует, присяжные все равно быстро решают по-своему и выносят неверный приговор.

– Отчего же вы считаете, что неверный? Мнение присяжных сформировано на основании показаний свидетелей.

– Свидетелей! – В запале молодой человек даже ударил кулаком по ограде. – Да свидетели и есть самое худшее во всем этом бардаке! Одни настолько тупы, что ловкие законники из них веревки вьют, другие – сообразительные – еще хуже: такой может наврать с три короба и тем самым засадить за решетку какого-нибудь бедолагу только ради того, чтобы в газете написали про его прекрасную память и наблюдательность, да еще и фото поместили.

Старший собеседник понимающе хмыкнул, чем еще больше раззадорил младшего.

– Знаете, профессор, если мне придется держать ответ за ваше убийство, я бы предпочел, чтобы меня судили квалифицированные юристы, которые в состоянии хотя бы придерживаться фактов!

– Вы пристрастны, – возразил профессор, – и все-таки я попробую вас переубедить. Присяжные, если их рассматривать как единое целое, вполне разумны и в состоянии правильно оценивать людей. Ведь бывают надежные свидетели, а бывают такие, которые вызывают подозрения. Взгляните вон на ту смуглую даму с искусственными ресницами, как бы вы ее охарактеризовали одним словом?

– Привлекательная?

– Хм. Я бы скорее сказал – неблагопристойная, и простой человек со мной согласится. Теперь представим себе, что она и вот эта англичанка в приличном костюме дают противоположные показания. Это означает, что кто-то из них лжет.

– Я не согласен. Многие зависит от точки зрения. Ваш простой человек скажет под присягой, что куст у него в саду называется сиренью. Однако, придя в ботанический сад, он обнаружит, что настоящее имя этого растения – *Syringa vulgaris*.

– Ну, разница между обыденным и научным названием не такая уж...

– Хорошо, хорошо. Но при этом один честный англичанин готов поклясться, что цветы сирени – белые, а другой – что лиловые. Согласитесь, они противоречат друг другу, но оба правы. Такое сплошь и рядом бывает в суде.

– По-моему, вы отклоняетесь от темы, – возразил спокойный голос. – Представьте, что эти женщины по очереди дают свидетельские показания. Которой из них вы поверите?

Айрис тоже не удержалась, чтобы не сравнить гипотетических свидетельниц. Одна – типичная англичанка из небольшого городка, хорошо сложенная, с приятным, умным лицом. Она пересекала платформу, не обращая особого внимания на окружающих, но это означало всего лишь, что у нее есть определенная цель и она старается ее поскорее достичь. Миловидная смуглая женщина, напротив, явно принадлежала к группе праздношатающих. На ней была обтягивающая юбка и блузка, расшитая национальным орнаментом – обычная нарядная одежда местных жителей. Даже несмотря на красивый разрез ее алых губ и выразительный взгляд, Айрис не могла отделаться от ощущения, что перед ней цыганка, только что спершая курицу у зазевавшегося сельчанина. Против воли она была вынуждена согласиться с профессором. Однако когда младший собеседник тоже сдался, она не смогла сдержать разочарования – получилось, что ее команда проиграла.

– Понимаю, к чему вы клоните, – согласился молодой человек. – Британская надежность, держит воду не хуже прорезиненной ткани... Не забудьте только, что эту резину добывают в колониях в нечеловеческих условиях, и если на подобное слишком полагаться, недалеко и до кровопролития... Пойдемте-ка лучше выпьем по глоточку.

– С удовольствием – при условии, что заказывать буду я. Не хочу упускать ни малейшей возможности попрактиковаться в языке.

– Я, наоборот, терпеть его не могу, сплошное цыканье и пришепетывание. А вы преподаете иностранные языки, я ничего не путаю? У вас, наверное, одни девушки учатся?

– Увы, так и есть.

Айрис было жаль, что они ушли, спор вызвал в ней хоть какой, а интерес. Людей на платформе прибавилось, хотя до прибытия экспресса оставалось еще двадцать пять минут. На скамейку рядом с ней уселись другие пассажиры, прямо на ее чемодане расположился какой-то ребенок. Впрочем, даже несмотря на привычку к комфорту, Айрис не особо возражала, настолько ее в этот момент захватил окружающий мир. Солнечный свет, зелень деревьев, блеск озера – все слилось вместе и погрузило ее в подобие блаженного гипноза. Ничто не предвещало беды, и удар настиг совершенно неожиданно.

Айрис ощутила страшную боль в затылке. За мгновение до этого белоснежные вершины закачались, небо почернело, и она провалилась во тьму.

Глава 6. Зал ожидания

Зрение возвращалось по частям. В воздухе плавали фрагменты человеческих лиц: нездорово-бледная кожа, темные глаза, плохие зубы.

Постепенно Айрис осознала, что лежит на скамье в каком-то темном помещении, окруженная группой женщин крестьянского вида, довольно одинаковых; национальное сходство усиливалось тем, что в этих горах все друг с другом в родстве. Женщины смотрели на нее с полным безразличием, словно на случайное уличное развлечение – сбитое машиной животное или бьющегося в припадке человека. В невыразительных лицах не читалось ни капли сострадания, в тусклых глазах – ни искорки любопытства.

– Где я? – в ужасе спросила Айрис.

Женщина в черном неожиданно разразилась потоком гортанной речи. Айрис, ничего не понимая, слушала в беспомощной панике, подобной той, которую впервые ощутила вчера в ущелье. Лицо женщины было настолько близко, что Айрис видела поры у нее на коже и волосы, растущие из ноздрей, – и при этом их разделяла такая пропасть, словно они находились на разных планетах.

Хорошо бы кто-то пролил свет на случившееся, развеял окутавшие чары. Айрис понятия не имела, что произошло; чтобы собраться с мыслями, ей требовалось ясное, подробное объяснение, а не загадочный язык знаков. Вспомнились постояльцы гостиницы, от которых она сегодня буквально сбежала. Сейчас она чувствовала, что пожертвовала бы годами жизни, только чтобы увидеть перед собой одухотворенное лицо священника или встретиться взглядом с добрыми глазами его жены.

В попытке вернуться к реальности Айрис привстала и огляделась вокруг. Помещение выглядело смутно знакомым. Потемневшие деревянные стены, засыпанный песком пол, он же по совместительству – общественная плевательница. Косой луч пыльного света падал из узенького окошка на полку со стаканами из толстого стекла.

Айрис подняла голову повыше и тут же почувствовала тупую боль, а за ней – приступ головокружения. На секунду ей показалось, что сейчас ее вырвет, но внезапная догадка отогнала тошноту. Это зал ожидания! Еще вчера она вместе с приятелями заходила сюда, чтобы выпить на дорожку. Отдельные мысли, метавшиеся в голове подобно грохочущим вагонам, вдруг надежно сцепились – образ железной дороги собрал их в единый состав. Она вспомнила, как сидела на солнышке, ожидая прибытия экспресса, и сердце судорожно дрогнуло. Что произошло с тех пор, как она потеряла сознание, как давно это случилось? Быть может, экспресс уже пришел. И – ушел?

Голова снова закружилась, и Айрис пришлось ждать, пока пелена перед глазами рассеется, чтобы проверить время на своих крошечных наручных часах. Выяснилось, что до поезда еще двадцать пять минут, которые она может потратить, чтобы окончательно прийти в себя.

«Почему я потеряла сознание? На меня напали?» Закрыв глаза, Айрис изо всех сил попыталась сосредоточиться и вспомнить, однако в памяти запечатлелись только голубое небо и зеленое, как трава, озеро.

Внезапно она вспомнила про сумочку и принялась шарить руками вокруг себя. К ее разочарованию, сумочка рядом не нашлась, нигде на скамье ее тоже не было видно. Чемодан стоял поблизости на полу, а сверху лежала шляпка, словно отмечая – твои вещи кончаются здесь.

– Моя сумочка! – воскликнула Айрис в ужасе. – Где моя сумочка?

В сумочке были не только деньги и билеты на поезд, но и паспорт, без которого невозможно уехать. Даже если она, без гроша в кармане, найдет способ попасть на поезд, ее высадят на первой же границе. При этой мысли Айрис пришла в совершенное иступление. Навер-

няка окружающие женщины сговорились, чтобы ограбить ее, пока она без сознания! Айрис попыталась вскочить со скамейки, и женщины принялись укладывать ее обратно. Из всех сил стараясь вырваться, Айрис улышала странное пыхтение, как будто кто-то задыхался, а на его фоне – громкий шипящий звук, словно из-под земли неожиданно забил фонтан.

Несмотря на все ее усилия, женщине в черном удалось опустить Айрис обратно на скамью, а толстая девица, бюст которой едва помещался в блузке, поднесла к ее губам стакан с какой-то жидкостью. Айрис не хотела пить, и тогда с ней обошлись как с ребенком – оттянули вниз подбородок и вылили жидкость, оказавшуюся водкой, прямо ей в горло. Она подавилась и закашлялась; в голове еще сильнее запульсировала боль. Испугавшись, что снова потеряет сознание, Айрис прекратила бороться и без сил опустилась на скамью.

Нельзя оказаться прикованной к постели в деревне, одной, вдали от друзей. Если бы удалось хотя бы вернуться в гостиницу, можно было рассчитывать, что соотечественники ссудят ей каких-нибудь денег, и тогда можно выправить новый паспорт... Правда, это означало бы серьезную задержку, да и постояльцы – чужие ей люди и не сегодня завтра должны разъехаться. Айрис на неопределенный срок останется одна, хорошо еще, если за ней хоть как-то будут ухаживать. Да и гостиница уже почти закрылась.

– Я не имею права болеть, – твердо сказала она. – Пока не поздно, нужно выбираться.

Айрис была уверена – если удастся сесть на поезд, одна лишь мысль, что она, миля за миляй, возвращается к цивилизации, поможет ей продержаться столько, сколько надо. Вспомнила Базель над молочно-изумрудным Рейном; в этом городе великолепные отели, а прислуга говорит по-английски. Там, где ее понимают, можно будет и поболеть.

Главное – попасть на поезд. На карту было поставлено так много, что Айрис возобновила отчаянные попытки подняться и найти сумочку. И тут она заметила, что кто-то пытается привлечь ее внимание. Это был пожилой человек в грязной униформе носильщика и с лицом словно у лешего – загорелым и изборожденным морщинами, подобно старому пню. Человек раз за разом снимал засаленную кепку, потом указывал пальцем вверх и, наконец, – ей на голову. Вдруг ее осенило – носильщик хотел сказать, что на платформе ей напекло голову и с ней случился солнечный удар.

У Айрис гора с плеч свалилась, поскольку загадка происшедшего одновременно озадачивала и пугала ее. Она никогда не жаловалась на здоровье, а в обморок вообще упала впервые в жизни. Была и еще одна причина для радости – оказывается, несмотря на все ее сомнения, общение с местными все же возможно, пусть даже и на сравнительно приземленные темы. Поэтому, как ни велика была ее паника по поводу поезда, Айрис все же нашла в себе силы слабо улыбнуться носильщику. А тот, как будто все это время ожидал от нее сигнала, немедленно сунул руку за ворот своей блузы и вытащил наружу ее сумочку!

Что-то пискнув, Айрис выхватила сумочку. Вспомнив, какая толпа собралась на платформе, она даже не надеялась найти деньги; оставался лишь слабый шанс, что не тронули хотя бы паспорт. Трясущимися руками она расстегнула молнию и застыла в изумлении – все содержимое было на месте. Билеты, деньги, паспорт, даже счет из гостиницы с отметкой об оплате. Выходит, она серьезно недооценила честность местных жителей, и эту ошибку следовало немедленно исправить. По крайней мере, теперь ясно, что происходит. Как обычно, сработал защитный квадрат на ладони, и ей поспешили на помощь.

Женщины, на которых пролился золотой дождь, даже глазом не моргнули; похоже, они впали в ступор от изумления и утратили способность к благодарности. Старик-носильщик, напротив, просиял и ухватился за ручку чемодана, давая понять, что у него все под контролем. Водка, которой Айрис так сопротивлялась, помогла собраться; перемена ситуации тоже пошла на пользу. Почти полностью овладев собой, она достала билет и протянула носильщику.

Того словно током ударило. Разразившись возбужденным потоком слов, он схватил девушку за руку и потащил ее к дверям. Едва оказавшись снаружи, Айрис сразу поняла при-

роду странного звука – шипел выпускающий пар локомотив. Пока она теряла драгоценные минуты, на станции стоял экспресс!

Теперь он отправлялся.

На платформе царил кутерьма. Громко хлопали двери купе. Провожающие столпились перед вагонами, выкрикивая слова прощания. Служащий поднял флаг и просвистел в свисток.

Они опоздали на какую-то минуту. Айрис с горечью осознала, что все пропало, а носильщик... Носильщик, если воспользоваться метафорой, ухватился за ускользающую возможность и не упустил ее. Прошел лишь краткий миг между тем, как поршни паровоза пришли в движение, и первым оборотом колеса, а он уже рвался сквозь толпу, подобно престарелому тигру. В его жилистом теле осталось достаточно силы и ловкости, чтобы добраться до ближайшей двери вагона и распахнуть ее.

Здесь дорогу ему преградила величественная, одетая в черное дама, перед которой он, повинувшись крестьянскому инстинкту, должен был бы сам собой согнуться в поклоне. С другой стороны, его только что наняли за сумму, значительно превосходящую его чаевые за целый, пусть и непродолжительный, курортный сезон. Следовательно, нанимательница должна занять место в вагоне. Поднырнув под рукой царственной дамы, носильщик забросил чемодан в купе, а следом втащил и саму Айрис. Наружу он выпрыгнул, когда состав уже набирал ход. Когда Айрис высунулась наружу, чтобы помахать ему в знак признательности, носильщик осклабился в ответ беззубой гномьей улыбкой.

Платформа ушла далеко назад, миновали мост – вокруг грубых свай плескались воды озера; вскоре изумрудная простыня, смятая ветерком и вновь выглаженная солнцем, тоже исчезла за окном. Когда выгнувшийся дугой поезд скользнул к пробитому в скалах тоннелю, Айрис представилась последняя возможность бросить взгляд на деревню. Она увидела лишь кучку разноцветных игрушечных домиков, расставленных на зеленой полке долины.

Глава 7. Пассажиры

Поезд вынырнул из тоннеля и загрохотал по зеленому, плотно заросшему лесом ущелью. Айрис бросила взгляд на часы. Стрелки показывали, что до прибытия экспресса на Триест оставалось двадцать пять минут.

– Похоже, остановились, когда я хлопнулась в обморок, – решила Айрис. – Как нельзя вовремя! Я чуть было не пропустила поезд.

Воспоминание тут же наполнило ее глубокой благодарностью судьбе за то, что она все-таки едет домой в Англию. За последние сутки девушка успела испытать больше волнений, чем за всю предыдущую жизнь, такую легкую и хорошо организованную. Теперь ей было знакомо ужасное чувство потери – друзей, денег, здоровья; чувство, что все связи с миром оборваны. И как обычно, в самый критический момент удача повернулась к ней лицом. В силу контраста обычная поездка выглядела теперь событием, исполненным неземного блаженства. Это при том, что железная дорога всегда казалась Айрис необходимостью того сорта, который можно вынести только при помощи специальных условий – таких, как купе люкс, цветы, фрукты, конфеты, легкое чтение и друзья, способные поддержать настроение. Сейчас же, в не слишком чистом вагоне и без особой надежды пересечь в люкс в Триесте, Айрис чувствовала такой азарт, словно она впервые в жизни отправилась путешествовать.

Пейзаж за окном демонстрировал прямо-таки варварское великолепие. Поезд летел мимо каменных груд, вызывавших в памяти гравюры Доре на тему Дантова Ада. Серебряные вены водопадов прорезали гранитные стены ущелий. Время от времени попадались засушливые участки, только темные пруды, заросшие по краям черными метелками камыша, виднелись в безлюдных впадинах. Айрис наблюдала за зрелищем, словно на экране, в глубине души радуясь, что от пейзажа ее отделяет двойное стекло. Вся эта монументальность представляла собой осколки мира, безжалостно разрушенного стихиями, что напоминало ей о собственном недавнем столкновении с реальностью. Воспоминание заставило девушку съежиться – несмотря на то, что от кошмара на станции ее уже отделяла толща огромной горы. Лишь теперь, когда прошлое с каждой минутой уходило назад, словно скользя по змеящимся рельсам, Айрис смогла оценить, какая тонкая грань отделяла ее от полной катастрофы. Ведь среди толпы на станции наверняка были темные личности, которые не преминули бы воспользоваться столь удачным совпадением: иностранка в обмороке – впрочем, на иностранку-то им было наплевать – и многообещающая добыча в виде дорогой сумочки. Какое счастье, что первым рядом с ней оказался гном-носильщик!

«Мне-то всегда везет, – подумала Айрис. – А вот каково было бы другим на моем месте?»

Впервые в жизни она осознала, сколь ужасна судьба людей, лишенных защитного квадрата на ладони. Даже случись сейчас железнодорожная катастрофа, средние вагоны (а именно там ехала Айрис) останутся на рельсах, а в других, сошедших с насыпи, сложившихся словно перочинный нож, погибнут люди...

Вздвигнув от этой мысли, Айрис невольно перевела взгляд на женщину средних лет напротив. Та состояла из одних недостатков – мелкие, с трудом различимые и беспорядочно разбросанные черты лица, малоопределенный оттенок щек, будто по уже нарисованному лицу кто-то прошелся ластиком и почти все стер. Кудряшки выцвели, кожа на лбу – цвета овсяной каши. Правда, до образцовой карикатуры на старую деву женщина все же слегка недотягивала. В частности, ее твидовый костюм и шляпка в тон выглядели довольно прилично, хотя и были начисто лишены индивидуальности. В обычное время Айрис даже не задержала бы взгляда на незнакомке, но сейчас в ней проснулось сострадание.

«Случись что-нибудь вот с ней, никто и внимания не обратит», – сразу поняла она.

Дальнейшие мысли оказались и вовсе нерадостными – о том, что на свете есть определенный процент людей, не имеющих ни друзей, ни денег, ни связей. Фактически они – никто, их исчезновение пройдет совершенно незамеченным, они канут в омут и даже кругов на воде не останутся.

Чтобы отвлечься, Айрис попробовала снова смотреть за окно, но теперь перед ним стояли пассажиры, вышедшие в коридор, поскольку купе были переполнены. Так что она, впервые с начала поездки, обратила более пристальное внимание на собственных шестерых соседей. Собственно, купе и было рассчитано на шестерых; после вторжения Айрис в нем стало одним пассажиром больше, чем положено.

На скамье рядом с ней расположилось семейство – двое крупных родителей и худенькая девочка лет двенадцати. Отец семейства, судя по очкам в роговой оправе и самодовольному виду, преуспевающий горожанин, бритоголовый и с маленькими нафабранными усиками. У его жены была прямая набриолиненная челка и кустистые брови, похоже, что подкрашенные углем. Детские носочки девочки шли вразрез с ее в остальном вполне взрослым видом. Судя по заколкам в волосах, прическу ей только что тщательно уложили после перманента. Модные, с иголки дорожные костюмы семейства напомнили Айрис виденную когда-то книжку по геометрической стенографии. Костюм папаши был в полоску, мамаша – в горошек, а дочери – в клеточку. Айрис некоторое время забавляла себя мыслью, что если эти костюмы разобрать на части и хорошенько перемешать, на выходе получится стенографическое послание человечеству. Скорее всего, восхваляющее семейные ценности, ведь даже газету это семейство делило на троих. Мамаша изучала раздел мод, девочка – странички для детей, глава семейства читал финансовые новости.

Айрис перевела взгляд на противоположную скамью. Рядом с женщиной в твиде сидела довольно привлекательная девушка, которая, однако, выбрала за образец стереотипную блондинку-киноактрису. Это было видно и по ее приглаженным волнистым волосам, и по огромным голубым глазам с накладными ресницами, и по бровям бабочкой. Дополняли картину наруганные щеки и ярко накрашенные губы. Несмотря на тонкость черт, красота девушки казалась штампованной и лишённой жизни. На ней был обтягивающий белый костюм, под ним – черная шелковая блузка до самого горла. Черным было и все остальное – шляпка, перчатки, сумочка. Девушка сидела очень прямо и неподвижно, словно позируя для кинопроб. Места на скамье ей требовалось совсем немного, поскольку забота о фигуре довела ее чуть ли не до дистрофии. Тем не менее она вплотную прижалась к твидовой женщине, задвинув ту в самый угол и освободив оставшееся место в знак уважения к даме, не желавшей пускать Айрис.

Не было ни малейшего сомнения – эта величественная персона принадлежала к местному правящему классу. Ее глаза горделиво сверкали, а нос выделялся, словно клюв хищной птицы. Огромная туша, затянутая в плотное черное платье и полускрытая вуалью, занимала чуть ли не полскамьи. К изумлению Айрис, дама смотрела прямо на нее, причем с неприкрытой враждебностью.

«С одной стороны, купе действительно не мое. Но ведь не ей жаловаться, у нее-то места полно! И объяснить не выйдет, сиди теперь и мучайся...»

Повинуясь внезапному импульсу, Айрис наклонилась к даме:

– Вы говорите по-английски?

Вопрос, очевидно, оказался оскорбительным – сдвинув тяжелые веки, дама демонстративно закрыла глаза, словно столь плебейское зрелище было для нее совершенно невыносимым. Не решившись продолжать, Айрис обернулась на остальных пассажиров. Семейство не отрывало глаз от газеты, старая дева разглаживала юбку, блондинка продолжала смотреть прямо перед собой. Каким-то образом Айрис чувствовала, что это тщательное безразличие – демонстрация уважения к даме в черном.

«Да кто она такая? – рассердилась Айрис. – Местная священная черная корова? Пока она молчит, никто и слова сказать не смеет? Если хотите знать мое мнение, это просто толстая баба, да еще и в уродских перчатках!»

Однако надолго удержать революционный настрой Айрис не удалось. От огромной черной фигуры распространялась атмосфера властной уверенности, и Айрис волей-неволей начала ее впитывать. Кроме того, первоначальное возбуждение уже улеглось, и она вновь ощутила последствия солнечного удара. Голова раскальвалась, мускулы шеи свело. Тревожные симптомы намекали, что следует быть осторожней – еще сохранялась угроза разболеться посреди чужой страны, и следует беречь нервную энергию, а не тратить ее направо и налево только потому, что кто-то вдруг не понравился.

В купе было душно, продолжало давить присутствие «черной вдовы». Айрис не сомневалась, что та представляет собой ходячий клубок предрассудков и препятствие на пути всего здорового, что есть в обществе. Типичный камень на дороге прогресса. Девушка почувствовала, что на лбу выступает пот, и взглянула на закрытые окна. Окно с ее стороны выходило в коридор, где было слишкомлюдно, чтобы рассчитывать на свежий воздух. С трудом поднявшись на ноги, Айрис ухватилась за рукоятку противоположного окна.

– Вы не возражаете? – подчеркнуто вежливо обратилась она к пассажирам в надежде, что по ее интонации те догадаются: она спрашивает их позволения открыть окно.

Глава семейства тут же встал и перехватил у нее рукоятку. Однако вместо того, чтобы открыть окно, он, словно на священную реликвию, посмотрел на даму в черном, потом перевел взгляд на Айрис, нахмурился и отрицательно покачал головой.

Айрис, раздраженная отказом, вернулась на свое место.

«Ничего не поделаешь. Надо держать удар. Ты здесь чужая».

Для самого популярного члена тусовки оказаться в меньшинстве – опыт новый и неприятный. Теперь нужно терпеть не только недостаток вентиляции, но еще и неспособность выразить собственные желания или объяснить свои действия. Все равно что одновременно лишиться речи и слуха.

Дверь купе открылась, и внутрь протиснулся высокий мужчина. Даже отдавая себе отчет в том, что ее чувства сейчас обострены до предела, Айрис решила, что никогда не видела столь отталкивающей физиономии. Мужчина был бледен, как гончарная глина, носил черную бороду лопатой, а его темные глаза под очками казались совершенно лишенными жизни. Поклонившись даме в черном, он встал перед ней и начал что-то говорить.

Очевидно, рассказ был весьма увлекательным – все пассажиры, включая девочку, внимательно слушали. Сам же мужчина, поблескивая очками, переводил глаза с одного пассажира на другого, пока наконец не уставился на Айрис – холодно, бесстрастно, как на лабораторный образец под микроскопом. Мужчина явно не ожидал увидеть данный экземпляр и не особенно был рад его появлению. Наклонившись к самому уху дамы, он что-то негромко спросил. Та прошептала ответ.

«Жужжат как мухи в банке, – подумала Айрис. – Вообще, мне это кажется или я им всем действительно неприятна?»

Для подобной вражды не было ни малейшего основания, тем более со стороны чернородого, который вообще ее впервые видел. Она всего лишь причинила определенное неудобство группе незнакомых людей, которых к тому же отделял от нее языковой барьер. Айрис закрыла глаза и попыталась выкинуть попутчиков из головы.

Когда жужжание наконец стихло и за чернородым закрылась дверь купе, ей сразу стало легче. Зато сильно разболелась голова. Тянуло выкурить сигаретку, выпить чаю. Однако закурить она не решалась, опасаясь головокружения, а чай вообще казался чем-то из другого мира. Поезд несся через безлюдную местность – только скалы и сосны. О цивилизации время от времени напоминали лишь старинные замки, как правило, лежащие в руинах. За окном про-

плывал сказочный ландшафт, а в дверь купе вдруг просунулась голова и выкрикнула что-то, похожее на изощренное ругательство.

Пассажиры никак не отреагировали, но Айрис стала расстегивать сумочку, на случай, если от нее требовалось предъявить паспорт или билет. Чистая английская речь прозвучала совершенно неожиданно. Поднявшись с места, женщина в твиде обратилась к ней с вопросом:

– А вы идете в вагон-ресторан? Там уже накрыто для чая.

Глава 8. Чаепитие

Айрис была настолько поражена, что не сразу нашлась с ответом, а лишь с изумлением уставилась на проплывающий за окном грубый песчаник, словно ожидая увидеть на его месте аккуратные швейцарские домики или голубые озера Италии.

- Вы англичанка?.. – наконец выдохнула она.
- Разумеется. Я всегда думала, что выгляжу очень типично. Так вы идете?
- Конечно, конечно!

Выйдя вслед за неожиданным гидом из купе, Айрис с беспокойством обнаружила, что оно находится в самом конце коридора. Похоже, защитный квадрат в этот раз недоработал, и в случае катастрофы ей придется несладко.

- Мы что же, сразу за паровозом? – спросила она обеспокоенно.
- Нет-нет, – успокоила ее женщина в твиде. – До паровоза еще несколько вагонов третьего класса. Состав удлиненный, в самом конце сезона очень много пассажиров. Как сельди в бочке. Очевидно, собеседница была из тех, кто всегда в курсе происходящего, поскольку немедленно начала делиться подробностями:

– Когда будем проходить мимо соседнего купе, загляните в окошко. А я вам потом кое-что расскажу.

Айрис, хоть и не слишком заинтересованная, заглянула – и тут же пожалела об этом. На одной из скамей вытянулась неподвижная, укрытая покрывалами фигура с полностью забинтованной головой. Более того, рядом с больным стоял чернобородый. В купе также находилась монашка, но с лицом настолько лишенным эмоций, что назвать ее «сестрой милосердия» язык не поворачивался. Она о чем-то беседовала с чернобородым, когда забинтованный человек – мужчина? женщина? – слегка приподнял руку. И чернобородый, и монашка не могли не заметить этого движения, однако не обратили на него ни малейшего внимания, словно были лишь экспедиторами, отвечающими за перевозку бессловесного чурбака.

При виде слабых, дрожащих пальцев Айрис почувствовала острейшее сострадание. Внутри все сжалось при мысли о том, что, если бы карты легли чуть-чуть иначе, она тоже могла сейчас неподвижно лежать на койке, и чужие ей люди так же игнорировали бы ее попытки привлечь внимание.

- У этой монашки совершенно уголовный вид, – прошептала она.
- Это не монашка, а медицинская сестра, – просветила ее женщина в твиде.
- Тогда мне жаль пациента... Почему они не занавесят окошко купе?
- Внутри будет слишком темно.
- Не повезло бедняге. Надеюсь, это мужчина?

Конечно, желание избежать параллелей между собой и неподвижной фигурой в купе было совершенно глупым, но Айрис все равно была разочарована, когда собеседница покачала головой:

– Нет, женщина. Ее погрузили на поезд на той же станции, откуда еду я, еще выше в горах. Доктор как раз рассказывал обо всем баронессе. Женщина попала в ужасную автокатастрофу, есть риск, что поврежден мозг. Доктор распорядился срочно доставить ее в Триест для операции.

- Вот этот чернобородый и есть доктор? – уточнила Айрис.
- Да. Причем очень известный.
- В самом деле? Я бы скорей обратилась к коновалу... – пробормотала Айрис, однако женщина в твиде, шедшая впереди, не расслышала. Они проталкивались через забитые людьми коридоры и успели одолеть полпути, когда спутница Айрис столкнулась в дверях с другой женщиной, одетой в серое.

– Прошу прощения, – извинилась та. – Я вышла посмотреть, не несут ли наш чай. Я заказывала проводнику.

Узнав голос миссис Барнс, Айрис поспешно отступила на шаг назад – встречаться с викарием и его женой не было ни малейшего желания. Ее спутница, напротив, радостно воскликнула:

– Вы тоже англичанка? Мне сегодня везет. – И, поскольку добрые карие глаза миссис Барнс располагали к доверию, добавила: – Я целый год не видела ни одного англичанина.

– Так вы возвращаетесь домой? – подхватила всегда готовая к сопереживанию миссис Барнс.

– Да, и сама не могу в это поверить. Хотите, я напомним официанту про ваш чай?

– Было бы просто замечательно. Мой муж, к сожалению, плохо переносит дорогу. С сильными мужчинами такое бывает.

Айрис уже начала терять терпение. Когда миссис Барнс перевела разговор на своего мужа, стало ясно, что чая теперь можно ждать до бесконечности.

– Боюсь, мы заняли весь проход, – рискнула она вмешаться.

Улыбка, которой встретила ее появление миссис Барнс, получилась довольно натянутой – очевидно, эпизод с Гэбриэлом еще был не забыт.

– Вы, наверное, не думали нас увидеть? Мы решили не дожидаться последнего поезда. И наши друзья, сестры Флад-Портер, поехали с нами. Сказать по правде, все в сборе – молодые тоже едут этим экспрессом.

Айрис продвинулась еще немного по забитому людьми коридору. Женщина в твиде, шедшая впереди, обернулась, чтобы заметить:

– Какое одухотворенное лицо у вашей подруги! Как у печальной мадонны.

– Напротив, она очень жизнерадостная и вовсе не моя подруга, – возразила Айрис.

Дамы не без опаски миновали последний громяхающий тамбур и попали в вагон-ресторан, который, похоже, был полон. За одним из столиков пили чай сестры Флад-Портер в безукоризненно сидящих дорожных костюмах из беленого льна. Когда Айрис протискивалась мимо, они вежливо, с подчеркнутой формальностью склонили головы. Во взглядах довольно ясно читалось: «В дороге мы еще знакомы, но по прибытии в Лондон мы тебя знать не знаем». Айрис никак не выказала желания к ним присоединиться, и мисс Роуз не удержалась, чтобы не взять ситуацию под контроль:

– Вас зовет ваша знакомая, – объявила она.

Айрис обернулась и увидела, что ее спутница отыскала последний незанятый уголок, где к одной из стен был приставлен дополнительный столик, и заняла там место. Когда Айрис присоединилась к ней, та радостно оглядывалась вокруг.

– Я уже заказала чай для той дамы и ее мужа. Скажите, разве здесь не замечательно?

В ее радости было столько энергии и энтузиазма, что Айрис даже не пришло в голову слово «претенциозность». Она не без сомнения оглядела выцветшие бархатные занавески, грязноватую скатерть, стеклянную розетку с вишневым джемом и наконец перевела взгляд на спутницу. Лицо, практически лишенное черт, если не считать морщинок, – но бледно-голубые глаза сверкают, а голос звенит, как у девчонки.

Впоследствии, когда Айрис пыталась собрать воедино все свидетельства разворачивающегося заговора, именно это несоответствие между девчоночьим голосом и обликом старой девы заставило ее впервые усомниться в собственных воспоминаниях. Которые в любом случае не изобиловали подробностями, поскольку больше она столь пристально на спутницу не смотрела. В глаза било солнце, и Айрис пришлось прикрывать их ладонью. Однако всю беседу ее не покидало ощущение, что щебечущий голосок напротив принадлежит собеседнице намного моложе, чем она сама.

– Чему вы так радуетесь?

– Это ведь путешествие! Мы движемся! И все вокруг движется.

Здесь Айрис не могла не согласиться – все вокруг действительно двигалось, пусть и несколько дергано, как в старом кино. Официанты сновали по раскачивающемуся вагону, стараясь не уронить подносы. За окном проносились фрагменты пейзажа. Зола от паровоза сыпалась на блюдечко с маслом и на пирожные. В лучах света плясали пылинки, а чайные чашки подскакивали на каждом стыке рельсов. Айрис торопливо пила чай, пытаясь не разлить, и слушала рассказ своей спутницы. Та оказалась домашней учительницей английского при богатой местной семье по имени Виннифред Фрой и ехала домой в отпуск.

– Папа и мама пишут, что говорят лишь о моем приезде. Они просто дождаться не могут, совсем как дети! Да и Сокс тоже как ребенок.

– Сокс? – уточнила Айрис.

– Да, так его папа прозвал. Сократ, наш пес, бобтейл, не совсем чистопородный, но такой милый! И души во мне не чаёт. Мама пишет, он тоже понял, что я приезжаю, только не знает когда. Этот дурачок бежит встречать каждый поезд! А потом возвращается назад в унынии, даже хвостом не виляет. Папа с мамой ждут не дождутся увидеть его радость, когда я наконец приеду.

– И я бы хотела взглянуть, – пробормотала Айрис.

Тема родителей ее не особо заинтересовала, а вот собак она любила. Айрис без труда вообразила себе Сокса, огромную курчавую псину совершенно клоунского вида – и как он будет прыгать, словно щенок, сверкая карими глазами сквозь пряди шерсти, когда хозяйка наконец вернется домой.

Мисс Фрой неожиданно поменяла тему:

– Пока не забыла... Хотелось бы объяснить, почему я вас не поддержала насчет окна. Вы ведь потому и решили, что я не англичанка? В купе правда было душно, а я не хотела вмешиваться из-за баронессы.

– Из-за той, в черном?

– Да, именно. Так вышло, что я ей обязана. Дело в том, что с моим билетом случилась какая-то путаница. Я зарезервировала себе второй класс, но вдруг оказалось, что мое место уже кем-то занято. И баронесса сама оплатила разницу в цене, чтобы я могла уехать вместе с ней, первым классом. Так мило с ее стороны!

– А по ней и не скажешь, – удивилась Айрис.

– Хотя властности, пожалуй, у нее действительно в избытке, она из семьи, в которой я имела честь служить. Имен, пожалуй, лучше не называть, это верхушка местной знати. Они здесь отстали от нас на сотни лет, феодализм во всем великолепии. Вы даже не представляете, какой властью пользуется... ну... мой работодатель. Любое его слово обязательно к исполнению. Причем и говорить не нужно, достаточно кивка.

– Какой позор, – поморщилась Айрис, презиравшая всякую власть.

– Так оно и есть, – кивнула мисс Фрой. – Но в замке именно такая атмосфера, и когда долго в ней живешь, волей-неволей и сама становишься бесхребетной. А это так не по-английски... Встретив вас, я словно почувствовала себя прежней! Нам нужно держаться вместе, вы согласны?

Айрис предпочла уклониться от ответа. Как и положено современной девушке, она без особого почтения относилась к старшему поколению, и перспектива безотлучно провести все путешествие рядом с мисс Фрой ее не прельщала.

– А после отпуска вы намерены вернуться в замок? – спросила она, чтобы переменить тему.

– Не совсем. Мне был нужен контракт еще на год, чтобы я говорила на местном языке совсем без акцента, поэтому я устроилась учить детей к одному человеку... назовем его лидером оппозиции. – Мисс Фрой понизила голос до шепота. – Дело в том, что здесь есть коммуни-

стическое движение, небольшое, но быстро растущее, и они серьезно настроены против моего бывшего работодателя. Обвиняют его во взятках и прочих ужасах. Я не вникала в подробности, в конце концов какое мне дело. Я только знаю, что сам по себе это замечательный человек, очень сильная и обаятельная личность. Все-таки происхождение не скроешь... Могу я по секрету поделиться с вами одной историей?

Айрис устало кивнула. От яркого солнца и непрерывного дребезжания у нее начала кружиться голова. Чай не помог, тем более что большей частью он все равно выплеснулся на блюдце. Паровоз дергался и подскакивал на стыках рельсов, извергая клубы ядовитого дыма, которые липли к оконным стеклам. Мисс Фрой начала очередную главу своего повествования, Айрис слушала, с трудом скрывая скуку.

– Мне казалось очень важным лично попрощаться с... с работодателем, чтобы объяснить ему, что в моем переходе, если можно так выразиться, на сторону его врага нет никакого предательства. Камердинер и секретарь хором утверждали, что он уехал на охоту. Но что-то подсказывало – меня обманывают. Так или иначе, я всю ночь не могла заснуть, пролежала без сна до самого рассвета, и тут слышу – кто-то в душе... Представляете, дорогая, всего один душ на весь замок, в этом отношении там все так примитивно. Притом что спальня у меня была королевская, сплошь позолота и синий бархат, а в потолке – огромное круглое зеркало. Я тихо, как мышка, выползаю наружу – и сталкиваюсь с ним в коридоре. Просто как женщина с мужчиной, без регалий, я в халате, и он в халате, непричесанный, и волосы мокрые. Но он был так мил – даже пожал мне руку и поблагодарил за службу!

Мисс Фрой замолчала на минуту, чтобы намазать маслом последний кусочек хлеба. Вытирая салфеткой пальцы, она заключила со счастливым вздохом:

– Не могу описать, какая у меня гора с плеч свалилась, когда все так удачно закончилось. Я стараюсь никогда ни с кем не ссориться. Конечно, я не такая уж важная персона, но одно могу сказать совершенно точно – во всем мире у меня нет ни единого врага!

Глава 9. Соотечественники

– А теперь, – объявила мисс Фрой, – нам лучше вернуться в свой вагон и освободить место для других пассажиров.

Официант, который явно понимал в людях и вообще был не промах, протянул счет Айрис. Та попыталась было разобраться в размашисто написанных цифрах, но потом сдалась, положила сверху купюру и встала из-за стола.

– А как же сдача? – удивилась мисс Фрой. Когда Айрис объяснила, что оставляет ее на чай, та возмутилась: – Но это неприлично много! Здесь и так включают в счет чаевые. Я неплохо разбираюсь в местной валюте, позвольте мне и расплачиваться. Я буду вести записи, мы с вами рассчитаемся, когда приедем.

Защитный квадрат в очередной раз пришел Айрис на помощь. Стоило ей отправиться в путь одной, тут же появился знающий гид, готовый взять на себя заботу обо всем. «Вообще-то она неплохая, жаль только, что такая зануда», – думала Айрис, проходя следом за мисс Фрой через раскачивающийся вагон-ресторан. Ей бросилось в глаза, что сестры Флад-Портер, не торопясь попивающие чай, подчеркнуто сосредоточились на ее спутнице. Мисс Фрой, в свою очередь, с самым живым интересом взглянула на мисс Роуз.

– Это англичанки, – прошептала она на ухо Айрис, даже не подозревая, что сестры Флад-Портер ей уже знакомы. – Представительницы уходящей старой Англии. Хорошо воспитанные, уважаемые, живут в больших домах, но деньгами не сорят. Мне даже жаль, что скоро таких не останется.

– Почему? – поинтересовалась Айрис.

– Даже я, которой приходится работать, понимаю, что за значительной частью всего хорошего – традиции, благотворительность, престиж нации – стоят пусть и праздные, но достойные люди. Они могут не считать тебя за ровню, однако из врожденного чувства справедливости добьются равноправия для всех.

Айрис не преминула отметить про себя, что в гостинице сестры Флад-Портер действительно проявляли больше заботы об окружающих, чем ее собственные приятели.

За весь долгий и не слишком гладкий путь обратно в купе Айрис не переставала удивляться, насколько мисс Фрой молода душой. Она не могла удержаться от смеха, когда ей доводилось столкнуться с другим пассажиром или когда внезапный рывок паровоза заставлял ее схватиться за поручень. Когда в проходах стало посвободней, мисс Фрой принялась заглядывать в окна купе люкс. Одно из купе привлекло ее особое внимание, и она даже предложила Айрис разделить с ней зрелище.

– Взгляните и вы! Там такая великолепная пара, просто ожившие киноактеры!

Айрис настолько вымоталась, что заинтересовать ее можно было разве что железнодорожной катастрофой. Однако, пытаясь протиснуться мимо мисс Фрой, она машинально кинула взгляд сквозь стекло и немедленно узнала молодоженов из гостиницы. Даже в тесноте купе Тодхантеры умудрились воссоздать атмосферу роскоши. До сих пор Айрис была уверена, что столь утонченные дамские дорожные костюмы шьют исключительно для съемочных павильонов; кроме того, купе было буквально забито дорогими безделушками.

– Подумать только, – возбужденно комментировала мисс Фрой, – к чаю у них тепличные фрукты! Виноград и нектарины... Он смотрит на нее с такой страстью... жаль, ее я вижу только в профиль. Пусть даже прекрасный, как у античной статуи... Умоляю, леди, поверните голову!

Желание ее исполнилось немедленно – в тот же момент миссис Тодхантер бросила случайный взгляд на дверь купе. Увидев мисс Фрой, она нахмурилась и что-то сказала мужу, тот встал и задернул занавеску. Айрис, которая вроде бы была ни при чем, смутилась, в отличие от мисс Фрой, – ее случившееся еще больше развеселило.

– Он меня запомнил! Заметили неприязнь во взгляде? Как я его понимаю! Я принадлежу к внешнему миру, а он предпочел бы забыть о нем, поскольку находится в раю. Как это, наверное, замечательно – быть целиком поглощенным любовью!

– Может, они и не женаты, – мстительно заметила Айрис. – Кольца продаются без предъявления свидетельства о браке.

– Что вы говорите? Любовники? Быть того не может, они так великолепны! Под какой фамилией они путешествуют?

– Тодхантер.

– Значит, все-таки женаты. Я очень за них рада! Любовники всегда регистрируются под фамилией наподобие «Смит» или «Браун».

Прислушиваясь к потоку слов за спиной, Айрис в который раз с удивлением отметила, насколько личность мисс Фрой не соответствует ее внешнему виду. Словно внутри старой девы, как в потрескавшемся от времени древесном стволе, жила юная дриада.

Когда они уже были у самой цели, Айрис, повинуясь какому-то нездоровому желанию, глянула внутрь купе, в котором везли женщину-инвалида. Она лишь краем глаза увидела неподвижное тело и скрытое под слоями пластыря лицо – и тут же отвела взгляд, чтобы не встретиться с глазами доктора. Они пугали ее, за ними читалась злобная гипнотическая сила. В нормальном состоянии Айрис не поддавалась бы никакому гипнозу, но сейчас она снова чувствовала головокружение, мир казался нереальным, словно во сне, когда эмоции переживаются сильнее обычного. Почти наверняка это было следствием перенесенного солнечного удара, да еще отчасти постоянных усилий держать себя в руках и не свалиться раньше, чем путешествие окончится. Похоже, запасы нервной энергии подходили к концу, в результате воображение повсюду рисовало врагов. Увидев сквозь стекло своего купе неясные очертания лиц в полумраке, она даже отшатнулась, не решаясь войти.

На помощь неожиданно пришла мисс Фрой:

– Давайте не будем больше сидеть как две паиньки. Пусть даже я и обязана баронессе, я не собираюсь забывать, что эти люди – всего лишь иностранцы. Что мне до них? Мы-то англичане!

Патриотизм этого напоминания сильно отдавал шовинистическим душком и все-таки взбодрил Айрис в достаточной степени, чтобы хоть отчасти вернуть ей прежний независимый вид. Войдя в купе, она отбросила предосторожности и закурила сигарету, даже не глянув в сторону остальных пассажиров.

– Вы много путешествовали? – спросила она у мисс Фрой.

– Увы, только по Европе, – со вздохом ответила та. – Маме не нравится, когда я уезжаю далеко от дома, – притом что, по ее теории, молодежь нельзя ограничивать. В результате мы договорились, что я не буду покидать пределы Европы, хотя каждый раз, когда я приближаюсь к этим пределам, ужасно хочется махнуть на все рукой и отправиться в Азию!

– Ваша мама, наверное, уже очень стара?

– Что вы, ей всего восемьдесят, и она молода душой! Папе семьдесят семь. Он никогда не признавался, что моложе мамы, все открылось, когда в шестьдесят пять он вышел на пенсию. Мама тогда так расстроилась! Сказала, что теперь всегда будет себя чувствовать совратительницей малолетних... Поверить не могу, что скоро опять их увижу!

Слушая, Айрис наблюдала за дымом собственной сигареты. Иногда сквозь дым неясно, словно в ранних экспериментах по телевидению, проступало почти лишенное черт лицо напротив. Из благодарности за уже полученную, а также ожидавшуюся в будущем помощь Айрис честно пыталась проникнуться добрыми чувствами к родителям мисс Фрой, однако семейная история была слишком скучна. Айрис уже знала, что папа высокий и худощавый, классического типа, а мама – низенькая и полноватая. Папа, судя по всему, представлял собой кладезь задора и энергии – в возрасте семидесяти лет он затеял изучать иврит.

– Составил расписание занятий на каждый месяц, вплоть до того, когда ему стукнет девяносто, – объясняла мисс Фрой. – Вот что значит учительское прошлое! А мама обожает романы. Те, что про любовь. Каждую неделю ездит на автобусе до библиотеки и говорит, что получает удовольствие от чтения, только если ей удастся представить меня на месте главной героини!

– О, у вас была замечательная семья, – вежливо проронила Айрис.

Мисс Фрой, впрочем, подобная тактичность не слишком обрадовала.

– Была и есть! – воскликнула она. – Папа до школы был пастором, и каждый его служка считал своим долгом сделать мне предложение. Наверное, все из-за моих кудряшек... Надо сказать, я никогда не забывала, что для каждой появляющейся на свет девочки где-то рождается и мальчик. Даже если мы до сих пор не встретились, он существует на свете, и уж если нам суждено, мы не можем не повстречаться!

Айрис, которую все больше раздражала беседа, скептически хмыкнула про себя – иные вроде бы взрослые люди совершенно забывают про свой возраст!.. Ей хотелось тишины и покоя, но мисс Фрой все говорила и говорила, словно читая бесконечный выпуск новостей. Однако в какой-то момент в Айрис снова проснулся интерес – мисс Фрой переключилась на тему иностранных языков.

– Я знаю десять, включая английский. В чужой стране ты сперва вообще не понимаешь ни слова и чувствуешь себя как брошенный в воду щенок. Барахтаешься изо всех сил! Но тонуть-то не хочется, приходится понемногу разбираться. К концу года уже говоришь не хуже местных. Лично я стараюсь проводить в стране не меньше двух лет, чтобы отточить идиоматику.

– По-моему, все иностранцы должны выучить английский! – заявила Айрис.

– Ну, когда они у себя дома, а вы не разбираетесь в языке, все может кончиться очень плохо. Хотите, я расскажу вам один случай?

И, не дожидаясь дальнейшего приглашения, мисс Фрой поведала историю, сильно подействовавшую на Айрис, которая и без того была вся на нервах. Рассказчица избегала имен и подробностей, но это делало рассказ только страшней.

Некую женщину признали невменяемой. По ошибке медицинская карета выехала по другому адресу и силой увезла англичанку, которая не понимала ни слова и не представляла, куда ее забирают. В ужасе и возмущении оттого, что оказалась взаперти в частной клинике, бедная женщина впала в истерику и бросалась на санитаров, поэтому большую часть времени ей кололи успокаивающее. Когда ошибка вскрылась, доктор, оказавшийся не слишком плотным, побоялся ее признать. Как раз в это время он испытывал финансовые затруднения, а скандал грозил окончательно погубить его репутацию. Так что он принял решение держать англичанку в клинике, пока не настанет удобный момент и ее можно будет выписать как излечившуюся.

– Ей-то откуда было знать, что она не оказалась там до конца своих дней? – эмоционально продолжала мисс Фрой. – Пожалуй, она действительно сошла бы там с ума, если бы доктора не выдала медсестра, у которой были с ним свои счета... Но вы можете себе представить положение бедняжки? В изоляции, никто ее не разыскивал и даже понятия не имел, что с ней случилось – она путешествовала в одиночку, останавливаясь то в одном, то в другом пансионе. Не понимая ни слова, не в состоянии объяснить...

– Прошу вас, хватит! – взмолилась Айрис. – Я могу, могу представить! Даже слишком ярко. Давайте немного помолчим.

– Конечно, конечно. Вы плохо себя чувствуете? Мне пару раз показалось, что вы очень бледная – хотя при таком загаре наверняка не скажешь.

– Спасибо, я в полном порядке, просто немного болит голова. Со мной недавно случился солнечный удар.

– Удар? Когда же?

Понимая, что любопытство мисс Фрой требует удовлетворения, Айрис вкратце описала происшедшее. Рассказывая, она посматривала на пассажиров. По отсутствию какой-либо реакции было очевидно, что никто из них ни слова не понимает по-английски. Никто, кроме одного человека – баронессы. На лице ее держалось слегка глуповатое выражение, свойственное людям, получившим власть по праву рождения, а не за счет личных качеств; однако в глазах иной раз читался проблеск понимания, и похоже было, что история Айрис ее заинтересовала.

– Бедняжка, – воскликнула наконец исполненная сочувствия мисс Фрой, – что ж вы раньше-то не сказали? Я дам вам аспирину!

Хоть Айрис и не любила быть обузой, она все же почувствовала облегчение, пока мисс Фрой шарила в своей сумочке.

– Думаю, вам лучше не ходить на ужин в вагон-ресторан. Я сама вам что-нибудь принесу. А пока выпейте таблетки и постарайтесь уснуть.

Закрыв глаза, Айрис слышала, как мисс Фрой хлопчет вокруг нее, словно птичка, охраняющая птенцов. Как ни странно, она почувствовала себя в безопасности. В купе было тепло, и вскоре девушка погрузилась в приятную дрему. Лекарство начало действовать, мысли путались, голова дергалась в такт движению поезда. Айрис перестала понимать, где находится; почудилось, что она скачет на лошади. Время от времени ей приходилось брать препятствия – это сиденье уходило из-под нее, и она на долю секунды зависала в воздухе.

Цок-цок, цок-цок. Еще и еще. Она размеренно двигалась вперед. Цок-цок. Затем ритм изменился, она будто заскользила на санках спиной вперед по длинному склону. Цок-цок-цок-цок. Колеса стучали по рельсам, словно кастаньеты, вагон дрожал, как фюзеляж самолета. Самолет уносил ее прочь, прочь из купе, к самому краю пропасти...

Айрис распахнула глаза. Сердце колотилось так, словно она действительно летела с большой высоты. Сначала она не поняла, где находится, потом, постепенно осознав окружающее, обнаружила, что таракнится на баронессу. Слегка смутившись, она перевела взгляд...

К ее удивлению, мисс Фрой на месте не было.

Глава 10. Пустое место

Стыдно признаться, но Айрис испытала облегчение. Сон не освежил ее, только спутал мысли; не было сил выслушивать очередную порцию семейных историй. Она нуждалась в покое; на тишину в реве и грохоте поезда рассчитывать не приходилось, но уж личная-то неприкосновенность была ей положена! Со стороны других пассажиров Айрис в этом смысле ничего не угрожало, поскольку никто не обращал на нее ни малейшего внимания. Баронесса в противоположном углу дремала, остальные сидели молча и неподвижно. В купе было жарко и душно, как в парнике.

Навалилось блаженное оцепенение, схожее с гипнотическим трансом. Мысли и чувства куда-то исчезли, тело не могло пошевелиться. За окном мелькало что-то зеленое, тяжело и размеренно, подобно чередованию приливов с отливами, дышала баронесса.

Айрис точило неясное беспокойство, что вот-вот вернется мисс Фрой и транс будет нарушен. В любой момент в коридоре могли раздаться ее уверенные шаги. Мисс Фрой, надо полагать, вышла в уборную, а там наверняка очередь. Айрис снова закрыла глаза и решила надеяться на лучшее. Сперва она вздрагивала всякий раз, когда кто-то проходил мимо купе, однако с каждой ложной тревогой чувствовала себя все более и более в безопасности. Мисс Фрой перестала быть угрозой, старики-родители заняли подобающее им место на фотографиях в выцветшем альбоме, даже от Сокса, абсурдной лохматой дворняги, в которую Айрис успела влюбиться, осталось разве что приятное воспоминание.

Цок-цок-цок. Звуки тяжелого дыхания вздымались, словно морские волны, разбивались о скалы. Стук колес заглушал их, но они звучали в унисон с пыхтением паровоза. Цок-цок-цок...

Внезапно баронесса громко всхрипнула, и Айрис подскочила на сиденье, готовая к отпору; сна как не бывало. Какое-то седьмое чувство, вызванное к жизни резким пробуждением, предупреждало о грядущей катастрофе. Место мисс Фрой все еще пустовало.

Айрис почувствовала укол разочарования и сама тому удивилась. Еще недавно она только и желала, чтобы мисс Фрой подольше не возвращалась. Теперь же она была бы рада ее увидеть.

«А когда она вернется, мне снова захочется, чтобы она куда-нибудь провалилась, – мысленно отметила Айрис. – Что поделать, нет идеальных людей».

Блондинка по-прежнему напоминала манекен в витрине. Каждая прядка золотистых волос идеально лежала на своем месте, и даже глаза были прозрачные, словно голубые стеклышки. Пораженная этим контрастом с жизнерадостной мисс Фрой, Айрис посмотрела на часы. Оказалось, что уже довольно поздно, она проспала дольше, чем думала. Длительное отсутствие мисс Фрой вызывало все большее беспокойство.

«В уборных не бывает таких очередей. Надеюсь, что с ней все в порядке».

Мысль была настолько тревожной, что Айрис изо всех сил попыталась от нее избавиться.

«Чушь! Что там могло случиться? Сейчас даже не ночь, когда можно по ошибке открыть не ту дверь и в темноте шагнуть наружу из мчащегося поезда. Потом, это только я такая дуручка, а она-то – опытный путешественник. И говорит на ста языках!»

Губы Айрис тронула слабая улыбка – ей вспомнилось одно из признаний мисс Фрой. «Знание языков делает меня своего рода представителем власти. Если в отдельно взятом купе вдруг разразится международный кризис и поблизости не окажется переводчика, я готова, так сказать, закрыть брешь собственным телом и, кто знает, изменить судьбы мира». Кстати, вот и объяснение ее отсутствию. Встретила дружелюбного иностранца и теперь удовлетворяет свою страсть к общению, ведь языкового барьера для нее не существует. Мало того, она в прекрасном настроении и рада поделиться с каждым встречным, что едет домой.

«Подожду еще полчаса, – решила Айрис. – К тому времени мисс Фрой просто обязана вернуться».

Она смотрела в окно, и вид вечеряющего, затянутого тучами неба наполнял ее душу меланхолией. Поезд спустился с гор и сейчас несся сквозь заросшую пышной зеленью долину. Посреди тучных пастбищ, местами темных от влаги, цвели лиловые крокусы. Пейзаж был однозначно осенний и напомнил, что лето прошло.

Время летело очень быстро; Айрис беспокоилась, что назначенный ей самой срок истечет, а мисс Фрой так и не появится. Тогда придется принимать какое-то решение, а какое? Конечно, напоминала она себе, это вообще не ее дело; однако накидывала сверху пять минуток и еще пять минуток, а беспокойство росло и росло.

Пассажиры зашевелились. Девочка принялась беспокойно хныкать, отец начал с ней о чем-то говорить. Очевидно, девочка пожаловалась на усталость, и ее убеждают вздремнуть. Мамаша аккуратно сняла с девочки черный лаковый пояс и муслиновый воротничок, потом достала сеточку для волос и аккуратно натянула ее поверх дочкиного перманента. Блондинка при этом впервые за вечер оживилась, указала пальцем на пустое место рядом и стала внимательно следить за процессом, однако, когда мамаша сняла с девочки башмачки и достала вместо них потертые шлепанцы, ее интерес угас.

Увидев девочку на месте мисс Фрой, Айрис испытала сильное раздражение. Она даже хотела возразить, хотя бы знаками, но побоялась выставить себя на посмешище.

«Ничего, придет мисс Фрой, мигом с ней разберется». Впрочем, поразмыслив, Айрис начала сомневаться. Она вспомнила, что мисс Фрой неизменно проявляет дружеское расположение к каждому встречному; наверняка она и с соседями по купе успела подружиться.

Девочка сильно устала и, забившись в уголок, тут же закрыла глаза. Родители с улыбкой переглянулись. Это привлекло внимание блондинки, и она с одобрением кивнула. Не согласна была лишь Айрис. Она понимала, что в ней говорит предубеждение и что уж если кто здесь и занял чужое место, так это она сама. Однако безмолвная конфискация сиденья мисс Фрой выглядела слишком уж наглой. Словно остальные пассажиры воспользовались ее отсутствием, понимая, что она не станет сгонять с места спящего ребенка.

Или словно они что-то знали.

Пассажиры вели себя, как будто были уверены, что мисс Фрой не вернется. Айрис в панике посмотрела на часы и с ужасом обнаружила, что полчаса давным-давно миновали. Это было видно и по происходящему за окном – затянутое тучами небо потемнело, по краям влажных зеленых полей начал собираться туман. Даже крокусы пропали, вместо них то тут, то там торчали бледные грибы, больше всего похожие на поганки. Грустное чувство, сопутствующее наступлению сумерек, проникало в самую душу, и Айрис остро почувствовала одиночество. Хотелось веселых голосов, яркого света, взрывов смеха...

А потом ее взгляд упал на багажную полку, и она замерла от потрясения – чемодан мисс Фрой исчез. Вопреки всякой логике девушку бросило в дрожь. Она попыталась убедить себя, что мисс Фрой просто перешла в другое купе, но концы с концами не сходились. Поезд был переполнен, свободного места не найти. Впрочем, мисс Фрой упоминала про путаницу с билетом; наверное, недоразумение разъяснилось.

«Нет, – решила Айрис, – баронесса все равно уже оплатила разницу за первый класс. Да и не могла она меня бросить, не предупредив. Во-первых, обещала принести мне ужин, во-вторых, я так и не рассчиталась с ней за чай... Надо обязательно ее разыскать».

Может быть, остальные пассажиры владеют ключом к разгадке? Их внешний вид ее уже не интересовал, следовало установить хоть какое-то общение. Решив, что самое подходящее слово, чтобы пробиться сквозь пелену непонимания, – «инглиш», она попробовала немецкий:

– Во ист ди даме инглиш?

Пассажиры пожимали плечами и качали головами, показывая, что ничего не поняли. Айрис сделала вторую попытку:

– Уи эст ля дам инглиш?

Лица не прояснились, и Айрис перешла на родной язык:

– Где английская леди?

Безнадежно. Ее не понимали, даже не пытались понять. В отчаянии она показала рукой на сиденье мисс Фрой, а потом вопросительно выгнула брови, словно в пантомиме. На этот раз ей удалось пробудить хоть какие-то эмоции – родители девочки удивленно переглянулись, а блондинка неодобрительно скривила губу. Словно почувствовав, что пахнет развлечением, девочка тоже открыла черные глазки и начала хихикать над Айрис, но тут же умолкла, поймав взгляд отца. Оскорбленная подобной реакцией, Айрис бросила на соседей по купе испепеляющий взгляд, вскочила с места, кинулась к баронессе и, тряхнув ее за плечо, воскликнула:

– Проснитесь, будьте добры!

Пассажиры одновременно ахнули, словно Айрис совершила акт святотатства. Однако она уже настолько взвинтила себя, что, когда баронесса подняла веки и уставилась на нее, всем видом изображая оскорбленное величие, даже и не подумала извиниться.

– Где мисс Фрой?

– Мисс Фрой? – переспросила баронесса. – Я не знаю никого с подобным именем.

Айрис указала на сиденье, которое сейчас занимала девочка, и уточнила:

– Англичанка, сидела вот здесь.

Баронесса покачала головой:

– Вы делаете ошибку. Никакая англичанка здесь не сидела.

Айрис почувствовала приступ головокружения.

– Ну как же? Я с ней разговаривала! И мы вместе пили чай в вагоне-ресторане. Неужели вы забыли?

– Мне нечего забывать, – четко произнесла баронесса. – Я вовсе не понимаю, о чем ваша речь. В этом купе не было никакой англичанки, никогда, до сих пор, кроме вас.

Глава 11. Иголка в стоге сена

Айрис раскрыла рот, чтобы тут же его захлопнуть. Заявление баронессы было откровенным надругательством над здравым смыслом, однако повелительный тон не допускал ни малейших возражений. Баронесса не отводила взгляда, словно подчеркивая – попробуй-ка еще что-нибудь вякнуть.

Протестовать было бессмысленно. Безжалостное давление авторитета баронессы могло подавить любую оппозицию. Остается признать поражение, пожалвав при этом плечами с таким видом, словно она сама не желает продолжать подобный спор. Айрис почти не замечала ни пассажиров, ни пролетающие за окном картины сгущающихся сумерек. Вот из тени выскочила деревушка – кучка домиков с потемневшими крышами, белая полоска воды, бурлящей под мостом... Секунда, и деревянные домики остались позади, а поезд продолжал нестись по направлению к Англии, дергаясь и скрипя, словно путанные мысли.

«Мисс Фрой не было? Что за бред? Совсем меня за дурочку держит... Только зачем ей вообще такое говорить? Зачем?»

Больше всего Айрис беспокоило полное отсутствие мотивов. Никто не мог желать зла совершенно безвредной мисс Фрой, которая стремилась подружиться с каждым встречным. Однако факт оставался фактом – мисс Фрой исчезла, и, похоже, ждать ее возвращения бесполезно.

Занервничав, Айрис вскочила с места. «Она где-то в поезде!»

Однако даже ее собственную уверенность подтачивало одно немаловажное обстоятельство: для отсутствия мисс Фрой не было никакой причины. Та сама предложила Айрис помощь и поддержку и явно не собиралась бросить ее одну без малейшего предупреждения.

«Может быть, – искала объяснение Айрис, – она подумала, что моя болезнь заразная? В конце концов, маленькая хлопотунья так сильно хотела вернуться к родителям и дворняге, что не пошла на риск попасть в карантин. Вот мною и пожертвовала...»

Перемещаться по составу было нелегко и тогда, когда дорогу прокладывала мисс Фрой, ведя ее на буксире. Теперь же, когда пассажиры устали сидеть в переполненных купе и начали выбираться наружу, чтобы размять мышцы или перекурить, в коридорах было не протолкнуться. В довершение всего привлекательная внешность Айрис обращала на себя мужское внимание. Всякий раз, когда поезд дергался и ее бросало на очередного незнакомца, реакция следовала неадекватная. От досады Айрис бросило в жар и навалилось растущее чувство безнадежности. Найти мисс Фрой во всей этой кутерьме не было никакого шанса. Заглядывая в очередное купе, она всюду видела одну и ту же мешанину лиц...

Айрис испытала огромное облегчение, когда наткнулась на купе, где среди пассажиров сидели напротив друг друга викарий и его жена. Глаза викария были закрыты, лицо застыло. Даже сквозь загар было видно, что его укачало и вся его воля уходит на то, чтобы это скрыть. Жена напряженно следила за ним. Она выглядела бледной и жалкой, как будто в своем воображении испытывала те же симптомы, что и муж. Когда Айрис, протиснувшись внутрь, заговорила с ней, она даже не улыбнулась.

– Простите за беспокойство, я ищу свою знакомую.

– Да неужели? – В голосе миссис Барнс звучали знакомые бодрые нотки, но в глазах застыла печаль.

– Вы помните ее? Она еще отправила к вам официанта с чаем.

– Очень любезно с ее стороны, – открыл глаза викарий. – Передайте ей от нас сердечную благодарность.

– Передам, как только найду, – пообещала Айрис. – Она уже довольно давно вышла из купе и до сих пор не вернулась.

– Я не заметила, чтобы она проходила мимо нас, – сообщила миссис Барнс. – Скорее всего, она в уборной. В любом случае тут вряд ли заблудишься.

– Я помогу вам ее найти, – храбро предложил викарий и с трудом поднялся со скамьи.

– И не вздумай! – В голосе миссис Барнс прорезалась сталь. – Не валяй дурака, Кеннет. Ты ее даже не узнаешь.

– Тоже верно. От меня будет больше хлопот, чем помощи. – Викарий с готовностью плюхнулся обратно и выдавил улыбку. – Я так плохо переношу дорогу, даже стыдно становится.

– И вообще тебе лучше помолчать, – посоветовала ему жена.

Правильно поняв намек, Айрис покинула купе. Да, к сожалению, рассчитывать на помощь викария не приходилось, здоровье явно его подвело. А сама она вряд ли сумеет отыскать мисс Фрой. И весь груз ответственности за неудачу ляжет на нее, поскольку из всех пассажиров поезда, похоже, лишь она одна ясно осознавала, что пропал человек.

При мысли о том, что надо пытаться вывести совершенно незнакомых ей людей из состояния безразличия, Айрис почувствовала упадок сил. Она стояла в коридоре, ухватившись за поручень, другие путешественники ее толкали, протискиваясь мимо, и она в этот момент попросту их ненавидела. Взвинченной и отчаявшейся, ей и в голову не приходило, что все эти люди чувствовали бы то же самое, если бы их внезапно засунули в лондонскую подземку в час пик, где их со всех сторон пихала бы толпа столь же безразличных, если даже не враждебных на вид чужаков.

Когда Айрис добралась до вагона люкс, занавеска над окном купе Тодхантеров была опущена, зато в одном из соседних купе Айрис рассмотрела сестер Флад-Портер. Те сидели с разных сторон, вытянув ноги на сиденье напротив через узенький проход. Старшая сестра, надев очки в роговой оправе, читала книгу в мягкой обложке, а мисс Роуз курила сигарету. Они выглядели вполне удовлетворенными жизнью – скопление людей в проходе значительно усиливало ощущение их собственного комфорта.

«Экое самодовольство», – раздраженно подумала Айрис, а потом напонила себе, что вообще-то сама тоже должна была ехать в люксе, а не делить купе с чужаками.

В конце концов Айрис прочесала весь поезд за исключением вагона-ресторана. Время чая давно закончилось, ресторан заполнили мужчины, чтобы с относительными удобствами покурить и выпить пару рюмочек. Айрис в нерешительности застыла в дверях – ей хотелось убедиться, что мисс Фрой не забрела внутрь в поисках долгожданного спутника жизни. В этот момент ее руки коснулся некий оптимистично настроенный юнец, произнес что-то неразборчивое – похоже, приглашение выпить – и нагло ухмыльнулся. Айрис в ярости стряхнула его руку и уже хотела уйти, когда в гуле мужских голосов ей отчетливо послышалось звучание оксфордского акцента. Пытаясь высмотреть того, кому он принадлежал, она встретила взглядом с чернобородым доктором. Его голый череп, наполовину скрытый за пеленой табачного дыма, напоминал луну в туманную ночь. Под бесстрастным взглядом темных глаз, увеличенных толстыми стеклами очков, Айрис почувствовала себя бабочкой, которую насадили на булавку и собираются классифицировать.

Внезапно и без видимой причины ей стало ясно: доктор причастен к тому ужасному, что случилось с мисс Фрой.

Глава 12. Свидетели

Хотя она явно вызывала к себе не слишком здоровый интерес, Айрис в ее нынешнем состоянии было уже все равно. Шагнув внутрь вагона-ресторана, она громко сказала:

– Если здесь есть англичане, умоляю, отзовитесь!

При виде симпатичной девушки, нуждающейся в помощи, один из мужчин вскочил на ноги – молодой человек с довольно приятным лицом и пронзительными карими глазами.

– Могу я чем-нибудь помочь? – выпалил он.

Айрис узнала голос. Она слышала его на станции незадолго до солнечного удара. Это был тот самый молодой человек, который возражал против суда присяжных. Внешне он оказался точь-в-точь таким, как представляла себе Айрис, у него даже имелся непокорный вихор того самого типа, который во время утреннего туалета послушно ложится, словно тренированная овчарка, но тут же радостно вскакивает, стоит положить на место расческу. В других обстоятельствах Айрис бросилась бы к нему, не задумываясь, однако сейчас дело было слишком серьезным, а молодому человеку, похоже, не доставало основательности. «Годится разве что заигрывать с официантками да хамить полицейским», – решила она.

– Ну же? – подбодрил ее молодой человек.

К своему стыду, Айрис обнаружила, что голос ее дрожит, а мысли путаются.

– Все так сложно, – запинаясь, начала она. – Я попала в такую переделку... То есть нет, попала не я... Я уверена, что произошло нечто ужасное, а я на этом жутком языке двух слов связать не могу...

– Ничего, – успокоил ее собеседник. – Я свободно шпарю по-местному. Рассказывайте, что стряслось.

Айрис еще колебалась, не уверенная, что ее выбор пал на правильного спасителя, и тогда со своего места с видимой неохотой поднялся другой пассажир, худой и высокий. Стоило ему заговорить, как Айрис узнала характерный голос второго собеседника, преподавателя иностранных языков.

– Если угодно, я готов предложить услуги переводчика, – сухо произнес он.

– Не соглашайтесь, он никуда не годится, – вмешался молодой человек. – Он разве что грамматику изучил, а я знаю уйму местных ругательств, и уж это нам наверняка понадобится.

Айрис едва удержалась, чтобы не расхохотаться, вовремя почувствовав, что смех выйдет истерический.

– Англичанка, ехавшая на поезде, исчезла, – попыталась объяснить она профессору. – А баронесса утверждает, что никакой англичанки...

Айрис запнулась, обнаружив, что чернобородый доктор внимательно прислушивается к каждому ее слову. По холодному взгляду профессора тоже можно было понять, что за зрелище она сейчас собой представляет.

– Простите, не могли бы вы изложить все по порядку? – спросил он.

Ледяной тон подействовал отвращающе, Айрис взяла себя в руки и постаралась объяснить все в нескольких словах, избегая ненужных подробностей. На этот раз она не стала упоминать никакой баронессы, а ограничилась тем фактом, что мисс Фрой не вернулась в купе. По счастью, рассказ произвел на профессора нужное впечатление, и он с самым серьезным видом потер рукой свой длинный подбородок.

– Вы говорите, англичанка?

– Да, – с готовностью подтвердила Айрис, – мисс Фрой. Учительница.

– Так-так... И вы совершенно уверены, что в поезде ее нет?

– Я весь состав обошла!

– Хм. Не похоже, чтобы человек ее типа мог покинуть свое место в купе, не имея на то серьезной причины. Когда именно она вышла?

– Не знаю, я задремала. А когда проснулась, ее уже не было.

– Тогда нам следует начать с опроса других пассажиров. Если к тому времени пропавшая не вернется, я бы предложил вызвать полицию и потребовать, чтобы досмотрели весь поезд.

Молодой человек подмигнул Айрис – мол, профессор в своей стихии.

– Повезло вам, хоть попрактикуетесь, – заметил он.

Это напомнило Айрис, что знакомство профессора с языком в большей степени академическое; молодой же человек, вероятно, владеет разговорной речью. Что очень важно – она начала подозревать, что вся путаница вокруг мисс Фрой произошла из-за слабого владения баронессой английским. При хорошо поставленном произношении благородная дама могла не понимать, что ей говорят, и при этом вряд ли призналась бы в непонимании. Во избежание непредвиденных случайностей Айрис обратилась к бойкому молодому человеку:

– Пойдемте и вы с нами, будете, если что, ругаться.

– С легкостью, – согласился тот. – Ругаюсь я не хуже попугая. Ведите нас, профессор!

По мере того как они продвигались вдоль состава, к Айрис возвращалось присутствие духа. Она все еще беспокоилась за мисс Фрой, но чувствовала, что нашла родственную душу в одном из новых знакомых.

– Моя фамилия Хэйр, – представился молодой человек. – Но она слишком длинная, поэтому зовите меня просто Максимилиан. Или, если угодно, Макс. А вас как звать?

– Айрис Карр.

– Миссис?

– Мисс.

– Отлично. Я инженер. Строю плотину в местных горах.

– По-моему, интересно. А я вот ничем не занимаюсь.

Поддержка со стороны соотечественников придала Айрис уверенности, и она приближалась к своему купе с чувством, близким к триумфу. Проход был забит пассажирами, сидящими на чемоданах, прямо по ногам носились дети, однако идти за Хэйром оказалось легче, чем за мисс Фрой – та, если можно так выразиться, давала предупредительные гудки, словно портовый буксир, а Хэйр просто раздвигал толпу, подобно ледоколу.

Профессор шагнул в сторону, предоставляя Айрис первой войти в купе. Она тут же заметила, что чернобородый доктор сидит рядом с баронессой и что-то негромко, но быстро ей рассказывает. Похоже, он постарался не задерживаться в вагоне-ресторане. Айрис это слегка обеспокоило.

Семейство трудилось над пакетом с персиками и не удостоило вошедшую вниманием. Блондинка сосредоточенно восстанавливала правильную линию карминовых губ. Баронесса сидела неподвижно, словно высеченная из черного гранита статуя.

С задорным блеском в глазах Айрис объявила:

– Со мной два английских джентльмена, и они намерены задать вопросы насчет мисс Фрой!

Баронесса молча вздернула подбородок. Никакой другой реакции с ее стороны не последовало.

– Позвольте мне войти, – произнес профессор.

Чтобы не путаться под ногами, Айрис вышла в коридор. С этого места ей было видно купе, где везли больную, в частности, сидящую у окна медсестру. Хотя голова Айрис была занята совсем другим, она с удивлением отметила, что в лице медсестры нет ничего отталкивающего, его было бы правильней охарактеризовать как бесстрастное.

«Это что, я и все остальное так же преувеличила? – с тревогой подумала Айрис. – Может, мне нельзя доверять собственным чувствам?»

Как ей ни было жаль несчастную пациентку, Айрис почувствовала сильное облегчение, когда в дверях купе появилась первая, уголовного вида медсестра. Загадочность происходящего и головная боль чуть было не заставили ее усомниться в себе самой. Айрис лишь слабо улыбнулась, когда к ней обратился Хэйр:

– Профессор, конечно, дока в теории, но на практике может и лопухнуться. Ничего, я послежу.

Профессор вел расспросы обстоятельно, терпеливо и с чувством собственного достоинства. Прежде чем объяснить баронессе происходящее, он поклонился ей с уважением, которое также демонстрировало и его собственную значимость. Та кивнула, затем, насколько можно было судить, обратилась к остальным пассажирам. Айрис заметила, как баронесса задерживает свой гордый взгляд на каждом лице и как повелительно звучит ее голос.

Профессор стал по очереди задавать вопросы пассажирам, однако в ответ они лишь отрицательно качали головой, словно и говорить-то не умели. Вспомнив аналогичную пантомиму с собственным участием, Айрис прошептала Хэйру:

– Они его хоть понимают?

Тот коротко кивнул, и Айрис поняла, что молодой человек внимательно слушает и не хочет отвлекаться. Предоставленная самой себе, она решила вести собственные наблюдения и не без усмешки отметила, что профессор – который, по идее, должен был учить студентов обоюбого пола – побаивается задавать вопросы женщинам, включая и девочку. Довольно скоро фокус беседы сосредоточился на отце семейства. Тот старался отвечать медленно и внятно, видимо желая помочь иностранцу, плохо владеющему языком. В конце концов он даже достал визитную карточку и протянул профессору.

Айрис невольно встревожилась и потянула Хэйра за рукав.

– Удалось ему что-нибудь выяснить насчет мисс Фрой?

Хэйр обернулся, и она была неприятно поражена его серьезным видом.

– Все очень сложно. Приходится уточнять каждую мелочь.

Атмосфера в купе понемногу становилась враждебной. Баронесса сделала короткое заявление, ни на секунду не отрывая глаз от лица Айрис; профессор выслушал его с подчеркнутым уважением. Закончив, баронесса сделала знак доктору, словно ожидая подтверждения. Доктор все это время оставался немым свидетелем происходящего. Бледное неподвижное лицо и мертвые глаза делали его похожим на покойника, которого извлекли из могилы, чтобы взвесить на весах его поступки, – а потом отправить прямиком в ад. Однако как только доктор по приказу госпожи начал речь, в нем проснулись жизнь и энергия, он даже размахивал руками, чтобы подчеркнуть свои слова.

Когда доктор закончил, профессор повернулся к Айрис:

– Похоже, как ни странно, вы совершили ошибку. Никто из этих людей не видел англичанки, которая, как вы утверждаете, пропала.

Айрис смотрела на него, не веря собственным глазам.

– Вы что, хотите сказать, я все выдумала?

– Я даже не знаю, что сказать.

– Тогда я скажу! Все эти люди лгут!

Айрис почувствовала абсурдность обвинения, еще не закончив говорить. Разумному человеку было трудно поверить, что все пассажиры объединились для дачи ложных показаний. Особенно респектабельно выглядело семейство, а его глава по солидности мог поспорить с поверенным в делах самой Айрис. Профессор ощутимо напрягся.

– Люди, которых вы обвиняете во лжи, – добропорядочные члены общества, лично знакомые баронессе, которая готова поручиться за каждого из них. Вот этот мужчина – довольно известный банкир, ведающий в числе прочего финансами баронессы. Девушка, – он бросил робкий взгляд на блондинку, – дочь ее сановника.

– Я с этим не спору, – запротестовала Айрис, – но мисс Фрой существует, я должна ей деньги за чай, она за меня заплатила!

– Это несложно проверить, – вмешался Хэйр. – Раз она заплатила, у вас должны были остаться лишние деньги. Просто посчитайте, что у вас в кошельке.

Айрис скорбно покачала головой:

– Я понятия не имею, сколько у меня было. С финансовой точки зрения я полная бездарь. У меня в банке даже не каждый чек принимают!

Профессор при этом признании еще больше помрачнел, однако показал, что действует без пренебрежения:

– Раз вы пили чай, вас видел официант. Я готов допросить и его, просто опишите мне, как выглядела ваша знакомая.

Этого-то вопроса Айрис и боялась, поскольку понимала, что очень смутно помнит мисс Фрой. Вообще-то она ее толком и не рассмотрела. Пока пили чай, слепило солнце, в купе Айрис сразу закрыла глаза, поскольку болела голова, а всю дорогу до вагона-ресторана и обратно мисс Фрой была либо впереди, либо сзади.

– К сожалению, я мало что смогу сказать, – начала она, запинаясь. – Понимаете, в ней не было ничего особенного. Средних лет, совершенно обычная... даже, пожалуй, бесцветная.

– Высокая или низкая? – пришел на помощь Хэйр. – Полная или худая? Брюнетка или блондинка?

– Средняя. Она сказала, что у нее светлые кудри.

– Сказала? – повторил профессор. – А вы сами разве не видели?

– Не обратила внимания. Мне они показались скорее выцветшими. Но я помню, что у нее голубые глаза!

– Не слишком-то много, – резюмировал профессор.

– Как она была одета? – спросил вдруг Хэйр.

– Твид. Цвета овсянки в мелкую коричневую крапинку. Жакет длинный, свободный, рукава до середины ладони. Карманы накладные, обшлага прошиты, и еще шарфик в комплекте. Шарфик пристегнут на концах такими маленькими синими пуговками. Блузка из натурального шелка, вышитая синим, и маленький синий платочек в нагрудном кармане. Извините, я не запомнила подробностей. Шляпка из того же материала, поля вышитые, лента в стиле мадам Рекамье, а за ленту заткнуто такое смешное ярко-голубое перышко...

– Стоп! – скомандовал Хэйр. – Шляпку вы вспомнили, теперь постарайтесь еще чуть-чуть – и вспомните лицо под шляпкой.

Он был явно горд своим удачным вмешательством, и когда Айрис снова покачала головой, его разочарование выглядело чрезвычайно комично.

– Нет, лица я не помню. Понимаете, голова так раскальвалась...

– Вот именно, – сухо заключил профессор. – Боюсь, причинно-следственная связь тут налицо. Доктор сообщил, что у вас был солнечный удар.

Доктор, который все это время внимательно слушал, словно ожидая подсказки, немедленно ожил.

– Удар солнца все объясняет, – произнес он по-английски, медленно и внушительно. – Из-за него у вас случилось умственное помрачение. Вы уснули и видели сон, видели того, кого нет. А теперь вы проснулись и чувствуете себя намного лучше. И больше не видите мисс Фрой. Она лишь помрачение. Сон.

Глава 13. Сон во сне

В первый момент Айрис была слишком потрясена, чтобы протестовать. Затем профессор и Хэйр обменялись понимающими взглядами, и ее изумление превратилось в гнев.

Профессор обратился к ней подчеркнуто формальным тоном:

– Полагаю, на этом наше вмешательство закончено. Если бы я знал обо всем с самого начала, я не считал бы его необходимым. Надеюсь, что, отдохнув, вы почувствуете себя лучше.

– Пойдем, мисс Карр нужен покой, – поддержал его Хэйр, криво улыбнувшись.

Ощущение было такое, что Айрис, расшалившись с подружками в спальне, получила подушкой прямо в лицо. Она подавила приступ ярости и заставила себя говорить как можно спокойнее:

– Боюсь, все не так просто. Зачем, по-вашему, мне понадобилось лгать?

– Я не говорил, что вы лжете, – покачал головой профессор. – Я полагаю, вы просто ошибаетесь. Давайте попробуем быть беспристрастными. Нельзя не признать, что баланс показаний не в вашу пользу. А зачем, по-вашему, будут лгать шесть человек?

На Айрис внезапно снизошло озарение:

– По-моему, такое возможно только в том случае, если ложь была начата одним человеком, а остальные по каким-то причинам ему поддакивают. И тогда это лишь ее слово против моего слова. Я англичанка, вы – англичане, пропавшая женщина – тоже англичанка, вы просто обязаны верить мне, а не ей!

Произнося свою речь, Айрис не сводила с баронессы обвиняющего взгляда. Та выдержала его с несокрушимым спокойствием, а вот профессор протестующе кашлянул:

– Не будем путать патриотизм с предубеждением. Ваше обвинение совершенно безосновательно. С какой стати баронессе нас обманывать?

У Айрис начала кружиться голова.

– Не знаю. Во всем этом какая-то загадка. Ни у кого нет ни малейшей причины вредить мисс Фрой. Она никогда ни во что не вмешивалась и сама с гордостью говорила, что у нее нет врагов. И еще она говорила, что баронесса была с ней любезна.

– Каким образом? – вдруг спросила баронесса.

– Она говорила, что с ее билетом вышла какая-то путаница и что вы доплатили разницу, чтобы она ехала в купе.

– Очень мило с моей стороны. Приятно слышать о собственной щедрости. К несчастью, сама я об этом ничего не знаю. Возможно, проводник сможет мне напомнить?

Профессор повернулся к Айрис:

– Ваша настойчивость сильно осложняет ситуацию, но если вы хотите, я готов допросить и проводника.

– Сейчас я его раздобуду, – вызвался Хэйр, явно желавший оказаться отсюда подальше. У Айрис сложилось впечатление, что в душе молодой человек ее поддерживает, однако вынужден это скрывать.

Когда Хэйр удалился, профессор вступил в беседу с баронессой и доктором – видимо, с целью попрактиковаться в языке. Айрис, в которой вызвали подозрение каждый взгляд и каждая перемена тона, стала опасаться, что он заверяет собеседников в абсурдности обвинений и извиняется за свое вмешательство, поскольку баронесса выглядела довольной, словно сытая тигрица. По счастью, вскоре к ним снова протолкался Хэйр – вихор торчал над головой, словно султан над рыцарским шлемом – и привел проводника. Тот оказался крепко сложенным молодым человеком в тесной униформе и напоминал игрушечного солдата: два ярко-красных пятна на широких скулах, крошечные нафабранные усики.

Баронесса что-то сказала проводнику резким голосом и махнула профессору рукой, чтобы он приступал. Нервы Айрис уже никуда не годились; она была уверена, что проводник тоже во власти баронессы, и даже не удивилась, когда Хэйр поморщился.

– Все та же басня.

– Разумеется. – Айрис выдавила из себя смешок. – Потом выяснится, что он из ее крепостных... Такое чувство, что ей в здешних краях принадлежит вообще все, включая вас с профессором.

– Вот только не надо горячиться, – возразил Хэйр. – Я прекрасно понимаю, что вы чувствуете, сам через такое прошел. Могу рассказать вам одну историю, при условии, если юная леди немного потеснится.

Девочка, которая все это время смотрела на Хэйра совершенно взрослым взглядом, в ответ на его обращение принялась пожимать плечами и кривить губки. Так или иначе, ей пришлось вернуться на свое место, а Хэйр втиснулся в уголок, который прежде занимала пропавшая учительница.

– Не грустите так, – начал он. – Если ваша мисс Фрой – не невидимка, ее должны были заметить и другие пассажиры поезда.

– Я совершенно ничего не соображаю, – вздохнула Айрис. – Голова совсем не работает.

Профессор, который уже выходил из купе, в общих чертах расслышал сказанное Хэйром и обернулся к Айрис:

– Если вы предоставите серьезные доказательства того, что англичанка действительно существовала, я готов их выслушать. Надеюсь, однако, что мы, да и вы сами, больше не станем мишенью для насмешек.

У Айрис уже не было сил, чтобы дерзить в ответ.

– Благодарю, – только и сказала она. – Где мне вас найти?

– В люксе.

– У нас одна конура на двоих, – уточнил Хэйр. – Мы, можно сказать, два богатея. Ступили на стезю процветания.

Как только профессор удалился, Айрис взорвалась:

– Ненавижу его!

– Ну, это вы зря, – улыбнулся Хэйр, – не такое уж он и ископаемое. Просто вы молоды и привлекательны, а он таких до смерти боится... Я собирался рассказать историю из своей жизни, надеюсь, не слишком скучную. Несколько лет назад мне довелось участвовать в регбийном матче на международном уровне. Перед игрой обе команды были представлены принцу Уэльскому, и он каждому пожал руку. В общем, мне подфартило заработать решающее очко – каким-то чудом сумел проскользнуть между соперниками. В розыгрыше мяча после этого кто-то пнул меня в голову, и я вырубился. Уже потом лежу я в довольно комфортабельном отдельном боксе, забегает медсестра, вся такая возбужденная, и говорит – к вам очень важный посетитель.

– Неужели принц? – спросила Айрис, надеясь, что ей удалось изобразить интерес.

– Он самый. Забежал всего на минутку. Улыбнулся и меня приветливо успокаивает: мол, вы скоро поправитесь, очень жаль, что так вышло. Я, конечно, был на седьмом небе, думал, теперь ночь спать не буду – и что бы вы думали, отключился чуть ли не мгновенно!.. На следующее утро медсестры спрашивают: «Рады, что капитан заходил вас проведать?»

– Капитан?

– Ну да, капитан команды, никакой не принц... И тем не менее я видел принца, вот как сейчас вас. Он пожал мне руку, похвалил... Совершенно настоящий!.. Вот что может произойти даже с лучшими из людей, когда с головой хоть чуть-чуть не в порядке.

Айрис упрямо поджала губы.

– А я-то думала, вы мне верите. Оказывается, вы такой же, как все. Пожалуйста, оставьте меня.

– Конечно, оставлю, потому что вам нужен покой. Постарайтесь заснуть.

– Нет, я не могу, мне нужно еще раз все обдумать. Если вам верить, то я сошла с ума. А я не сошла. Не сошла!!!

– Ну, не надо так переживать!

– Из вас получится замечательная медсестра!.. Послушайте, – понизила голос Айрис, – я знаю даже меньше, чем вы, поскольку ни слова не поняла во всех этих расспросах. Вы действительно владеете языком?

– Пожалуй, что уже лучше, чем английским. И весь разговор был настолько простой, что даже профессор не смог бы наломать дров. Мне очень жаль, но никаких неясностей не осталось... Вы выглядите изможденной, давайте я вам что-нибудь принесу?

– Нет уж. Мне обещала что-нибудь принести мисс Фрой, и я постараюсь ее дождаться.

Твердый взгляд девушки показал Хэйру, что она будет стоять на своем до конца. Поскольку сам он считал мисс Фрой кем-то вроде призрака, у него не было оснований полагать, что та принесет Айрис хоть что-нибудь полезное. Поэтому он решил, что позже повторит свое предложение. Уже в дверях ему что-то пришло в голову, и Хэйр поманил девушку за собой в коридор.

– Я только в одно не смог въехать, – признался он. – Баронесса обратилась к парню на каком-то диалекте, который для меня звучал совершенно тарабарски.

– Видите, они действительно из одной местности! – торжествующе воскликнула Айрис.

– Угу. Но мы все равно не знаем, что именно она сказала, так что проку никакого. Ладно, салям алейкум, проведу вас позже.

Хэйр ушел, а Айрис сжалась в комок в своем уголке, раскачиваясь в такт движению поезда. Он как раз проходил через участок, где один тоннель следовал за другим, и все вокруг громыhalo, словно небо укатывали гигантским катком. Шум буквально резал слух. За весь день Айрис толком ничего не ела, и силы начали ее покидать. Поскольку раньше она почти никогда не болела, ее страшила перспектива свалиться, но постоянный звон в ушах беспокоил еще больше. Когда в дверях купе показалась медсестра и поманила доктора наружу, Айрис чуть не подпрыгнула, однако ее мысли продолжали неистово вращаться вокруг главного сегодняшнего события – обморока.

«Вот я на платформе... а потом куда-то проваливаюсь. Когда я пришла в себя в зале ожидания, все эти женщины, забавный маленький носильщик – все это действительно было? Конечно же, было, иначе я не попала бы на поезд... С мисс Фрой я познакомилась именно в поезде! Они уверяют, что она мне приснилась. Но если так, то приснился и зал ожидания, и поезд... Значит, я не в поезде? И вообще до сих пор не очнулась? Так и правда можно с ума сойти!»

Айрис почувствовала, что близка к истерике, и собрала волю в кулак.

«Чушь! Я в сознании и еду в поезде. И это означает, что я действительно познакомилась с мисс Фрой. Просто здесь какая-то загадка, и меня пытаются запутать. Хорошо же, в таком случае мне придется разоблачить обманщиков!»

До сих пор ее занимало скорее собственное благополучие, чем судьба мисс Фрой. С самого рождения Айрис баловали, и неудивительно, что она выросла эгоисткой; при этом к веселой и беззаботной девушке всегда относились доброжелательно. Но теперь ее судьба неожиданно переплелась с судьбой совершенно невзрачной учительницы. Айрис снова и снова перебирала в мыслях эпизоды их краткого знакомства. И вдруг туман, заполнявший мозг, рассеялся, наглухо закрытая ячейка в памяти со щелчком открылась. Айрис вскочила на ноги, чем привлекла внимание баронессы.

– Мадемуазель чувствует себя хуже?

– Мадемуазель чувствует себя гораздо лучше! И намерена проверить кое-какие воспоминания. Я поговорю с другими англичанами из нашей гостиницы, которые видели меня в обществе мисс Фрой!

Глава 14. Новое свидетельство

Теперь, когда Айрис была готова доказать, что мисс Фрой существует, она вновь задавалась вопросом: где же она? Поезд досконально осмотрен; мисс Фрой в нем нет. Но больше ей просто негде быть! Коридоры и купе битком набиты, она не могла выпасть ни в дверь, ни в окно – это сразу заметили бы. По той же причине никто не мог связать ее, сунуть в мешок и выбросить. Спрятаться ей тоже негде, да и зачем мисс Фрой прятаться? Одним словом, при таком количестве свидетелей мисс Фрой была практически гарантирована от любых неприятностей, случайных или злонамеренных.

Отчаявшись, Айрис решила отложить эту проблему на потом.

«Чтобы объявить ее в розыск, нужно сперва доказать, что она ехала в поезде, вот и давай, – размышляла она. – Дальше пусть разбираются другие».

Вспомнились требования, которые профессор предъявляет к доказательствам. Ее свидетели удовлетворят самому взыскательному вкусу – ведь они англичане до мозга костей!

Пока Айрис копалась в сумочке в поисках зеркальца и помады, баронесса не сводила с нее глаз. Она смотрела совершенно безучастно, тем не менее каким-то образом Айрис почувствовала, что та занята какой-то тайной деятельностью, плетет нити сложных интриг.

«Она что-то задумала. Нужно ее опередить!»

Айрис заторопилась и тут же снова утратила контроль над собой. Руки задрожали, в результате линия рта стала ярко-алой полосой, вызывающей ассоциации с раздавленной сливой – в то время как надпись на футляре с помадой обещала всего лишь «розовый бутон». Расческу Айрис так и не нашла, махнула рукой и выбежала в коридор.

Мужчины, которых она толкала, таращили глаза, женщины издавали какие-то жалобные звуки. Сказать по правде, Айрис воспринимала этих людей лишь как досадные препятствия на пути. Она потеряла уже столько времени, что каждая секунда задержки все сильнее давила на совесть. Все, что она видела перед собой – хотя и где-то вдалеке, – это неясная фигура пропавшей учительницы. Надо успеть!.. Однако между ней и ее целью постоянно мелькали какие-то физиономии, то ухмыляющиеся, то сердитые; они сразу таяли, словно клочья тумана, а на их месте возникали новые. Глаза сверкали, зубы блестели, тела перекрывали проход. Айрис пробивалась вперед, ее щеки покраснелись, волосы рассыпались и лезли в глаза. Лишь прорвавшись в относительно свободный участок коридора и увидев там профессора, который курил, глядя в окно, Айрис вспомнила о приличиях, устыдилась спешки и, задыхаясь, пролепетала:

– Я, наверное, на чучело похожа? Ужасная толпа, никто не уступал дорогу...

Профессор даже не улыбнулся в ответ – несмотря на всю живописность, которую придавали девушке распущенные волосы и горящие щеки, в подобном облике был оттенок вульгарности, который вовсе его не прельщал.

Не одобрил ее вида и мистер Тодхантер, дверь купе которого была открыта. Хоть он и считал себя ценителем женской красоты, на деле ухоженность привлекала его значительно больше естественности. В картинах он тоже больше всего ценил рамы, поскольку полагал, что любая красота требует надлежащего оформления. Естественный вид допустим разве что в спальне и уж никоим образом не во время железнодорожной поездки. В гостинице он неоднократно видел Айрис в компании таких же, как и она, полуодетых красоток, но впервые обратил на нее внимание, только когда она надела платье.

– Что это за девушка? – поинтересовалась его жена, на миг оторвавшись от иллюстрированного журнала.

– Одна из той банды в гостинице.

– О господи!

В соседнем купе Роуз Флад-Портер приподняла голову с мягкой кожаной подушечки, которую всегда брала с собой в дорогу. Это движение пробудило от дремы ее сестру, и та тоже наострила уши. Айрис, не подозревая, сколько у нее слушателей, продолжала громко и возбужденно объяснять профессору:

– Ваши свидетели не заслуживают ни малейшего доверия. Они нагло врут! Все шестеро! Профессор смерил девушку холодным взглядом.

– Вам стало хуже?

– Отнюдь, я в полном порядке. И я смогу доказать, что мисс Фрой существует, поскольку другие англичане, с которыми я жила в одной гостинице, тоже ее видели! Когда мы приедем в Триест, мы свяжемся с английским консулом и потребуем, чтобы поезд тщательно обследовали. Вот тогда вы и увидите, что я права!

Айрис чувствовала себя на гребне триумфа. Казалось, над головой ее сейчас развевается британский флаг, а в ушах звучат первые аккорды национального гимна.

Профессор утомленно улыбнулся:

– Вы обещали представить доказательства.

– И вы их получите!

Айрис развернулась – и обнаружила себя лицом к лицу с Тодхантером.

– Вы ведь можете мне найти мисс Фрой? – спросила она в полной уверенности, что ей не откажут.

Тодхантер любезно улыбнулся в ответ, однако несколько помедлил с ответом, намеренно выдержав характерную для своей профессии паузу.

– Буду рад оказать вам услугу. Только кто такая мисс Фрой?

– Учительница-англичанка. Вы должны ее помнить – она заглянула к вам в окошко, а вы встали и задернули занавеску.

– Разумеется, при подобных обстоятельствах я бы именно так и поступил. К сожалению, я не имел чести стать объектом внимания какой-либо дамы.

Ответ был настолько неожиданным, что у Айрис перехватило дыхание:

– Неужели вы ее не видели?

– Нет.

– На нее обратила внимание ваша жена. Вам обоим было неприятно!

Прелестная миссис Тодхантер, внимательно слушавшая разговор, тут же вмешалась, причем обычная расслабленность исчезла из ее голоса:

– Мы не в зоопарке, и никаких зрителей здесь не было! С вашего позволения, мы закроем дверь? Мне хотелось бы отдохнуть перед ужином.

Профессор повернулся к Айрис с принужденной вежливостью:

– Похоже, вы утомлены. Позвольте проводить вас в купе.

– Нет! – отмахнулась Айрис от предложенной руки. – Я этого так не оставлю, есть и другие свидетели! Вот эти дамы...

Она метнулась к соседнему купе – сестры Флад-Портер уже сидели на своих местах прямо и с должным достоинством – и воскликнула:

– Вы можете мне отыскать мисс Фрой? Она тоже англичанка!

– Позвольте, я объясню по порядку, – вмешался профессор при виде непонимающего взгляда сестер. Айрис слушала, как он неторопливо и размеренно тянет слова, и ее нетерпение нарастало. Она не сводила глаз с сестер, таких надежных, цветущих. Наконец мисс Роуз заговорила:

– Я не помню вашу спутницу. Вполне возможно, что вас сопровождали, только я была без очков.

– И я, – кивнула мисс Эвелин. – Пожалуйста, поймите, мы ничем не сможем вам помочь.

– Нельзя опознать человека, которого мы толком не видели, – согласилась мисс Роуз. – Так что будьте добры, не упоминайте наших имен. В противном случае мы просто откажемся говорить.

Айрис не верила собственным ушам.

– Неужели вы и пальцем не пошевелите, чтобы помочь попавшей в беду соотечественнице? Разве таковы ваши принципы? – горячо воскликнула она.

– В беду? – пренебрежительно откликнулась мисс Роуз. – Что может случиться с человеком в битком набитом поезде? Кроме того, здесь полно людей, наверняка обладающих более острым зрением. Да, мы англичанки, но с каких пор это стало поводом для неудобств?

Крушение надежд было столь внезапным, что пораженная Айрис не могла и слова вымолвить. Она чувствовала, что соотечественники ее предали. Они способны сколько угодно хвататься, что не выходят к ужину без соответствующего платья, беспокоясь за честь страны, но именно здесь и сейчас они отреклись от Англии. Изодранный в клочья флаг валялся на земле, гордые звуки гимна заглушил пронзительный свист. В этот момент Айрис так яростно ненавидела соотечественников, что когда в купе заглянула жена викария, она лишь смерила ее злобным взглядом.

Миссис Барнс одарила всех собравшихся улыбкой и поспешила объяснить:

– Мой муж уснул, а я решила, что самое время немного поболтать. Когда мы в дороге, я за главу семьи, это так непривычно и случается лишь раз в год!

Айрис собралась уже вслед за профессором выйти из купе, когда миссис Барнс воскликнула:

– Если это из-за меня, то, пожалуйста, оставайтесь!

– Мне здесь делать нечего, – горько вздохнула Айрис. – Разумеется, вы тоже не видели мисс Фрой?

– Вы про ту даму в твиде, с голубым перышком в шляпке? – удивилась миссис Барнс. – Конечно, я ее помню! Мы с мужем очень признательны ей за чай.

Глава 15. Все наоборот

Айрис почувствовала столь всеобъемлющее облегчение, что едва не разрыдалась. Повернувшись к профессору, она спросила дрожащим голосом:

– Ну, убедились?

Профессор, на лице которого чуть ли не читались слова извинения, бросил взгляд на жену викария и убедился, что она относится к хорошо знакомому ему типу женщин, заслуживающих всяческого уважения и одобрения – при том условии, что они благополучно замужем за кем-нибудь другим.

– Безусловно, – кивнул он наконец. – Наконец мы нашли человека, способного подтвердить ваши слова. Прошу прощения, что ранее в них усомнился.

– И что же вы намерены предпринять?

Профессор, который уже совершил одну постыдную ошибку, не был расположен торопиться.

– По-моему, нужно посоветоваться с Хэйром. Он отлично владеет языком, да и соображает неплохо, хотя иной раз производит впечатление человека ветреного.

– Пойдемте скорее разыщем его! – обрадовалась Айрис. Впрочем, несмотря на всю спешку, она на мгновение задержалась, чтобы импульсивно воскликнуть жене викария: – Огромное вам спасибо! Вы даже не представляете, как много для меня сделали!

– Мне очень приятно... но за что вы меня благодарите? – удивилась миссис Барнс.

Оставив разъяснения на мисс Роуз, Айрис поспешила за профессором. Хэйр, которого они наконец отыскали в вагоне-ресторане, был искренне удивлен:

– Господь с вами! Мисс Фрой появляется вновь? В этой замечательной женщине определенно есть какая-то загадка! Должен признаться, что я никогда толком не верил в ее существование. И что же, по-вашему, с ней стряслось?

Профессор снял очки, чтобы протереть стекла. Без них его глаза выглядели не столько холодными, сколько неуверенными, а красные впадины, натертые дужками по обе стороны от переносицы, вызвали в Айрис приступ сострадания. Теперь она чувствовала к нему дружескую расположенность, ведь их объединяла одна цель – вернуть пропавшую мисс Фрой.

– Сестры Флад-Портер просто не хотели ввязываться, – объявила она, – это очевидно. Но какие мотивы для лжи у шестерых иностранцев?

– Возможно, дело в каком-то недоразумении, – забеспокоился профессор. – Мое знание языка...

– Ваше знание вполне на уровне, – оборвал его Хэйр. – Вы оказались классным переводчиком. Ни разу не споткнулись.

Айрис оценила широту характера молодого человека, поспешившего успокоить профессора, – она была уверена, что в душе Хэйр считает его надутым ослом.

– Помните старую добрую игру «Маска, я тебя знаю»? Ставлю на то, что мисс Фрой прикинулась доктором. Правда, тут она недоработала, черная борода уж слишком бросается в глаза... А может, она переделалась паровозом и тянет за собой состав?

Айрис даже не улыбнулась.

– Ничего смешного! Вы забыли, что она не просто реально существует, но еще и пропала. Нам надо что-то делать!

– Верно, – согласился профессор. – Однако ситуация очень серьезная, и я предпочел бы сперва хорошенько все взвесить.

– Что в переводе означает – профессор хочет покурить, – объяснил Хэйр. – Валяйте, профессор. Я пригляжу за мисс Карр, а вы тем временем дадите мозгам остыть.

Профессор удалился.

– Если я правильно понимаю, мисс Фрой для вас совершенно чужой человек? – серьезно спросил Хэйр.

– Естественно!

– И тем не менее вы из-за ее отсутствия чуть не рехнулись... Похоже, вы альтруист, каких свет не видывал!

– Никакой я не альтруист, а вовсе даже наоборот, – честно призналась Айрис. – Сама удивляюсь и совершенно себя не понимаю.

– Попробуйте рассказать с самого начала.

– Она была ко мне очень внимательна, предложила помощь. А окружающие хором уверяли, что мисс Фрой мне приснилась... Это был полный кошмар! Все равно что доказывать, что все, кроме меня, идут не в ногу.

– Но почему вам вообще приспичило доказывать, что мисс Фрой вам не приснилась?

– Как вы не поймете? Иначе я бы никогда больше не была уверена, что другие вещи или люди вокруг действительно существуют!

– Это вовсе не повод слетать с нарезки, – пожал плечами Хэйр. – Я бы на вашем месте сказал себе, что случившееся – последствия солнечного удара, совершенно невинное и логичное объяснение.

– Но ваш собственный опыт нельзя сравнивать с моим, – запротестовала Айрис. – Вы-то видели реального человека, которого спутали с принцем Уэльским. А я, выходит, вела беседы с пустым местом, да еще и внимательно выслушивала ответы... Вы не представляете, как мне полегчало, когда миссис Барнс ее вспомнила!

Айрис бросила взгляд за окно и блаженно улыбнулась. Теперь, когда головокружительные фантазии рассеялись и она вновь обрела опору в реальном мире, мрачные пейзажи за окном больше не портили ей настроение. Сумерки окрасили городок, через который сейчас неторопливо пыхтел поезд, в печальные тона. За окном медленно проплывали убогие лавки с жалкими товарами, а в просвет между домами иной раз удавалось разглядеть взбухшую, пенящую речушку. Сами дома, цепляющиеся к склону холма подобно облепившему скат крыши лишайнику, казались полустертыми, так над ними потрудились время. Давным-давно доски и штукатурку выкрасили серым; с тех пор их столько времени поливал дождь и палило солнце, что стены приобрели грязно-белый оттенок. Все вокруг свидетельствовало о бедности и запустении.

– Какое жуткое место, – содрогнулась Айрис, когда поезд миновал ржавые железные ворота, за которыми угадывался заросший бурьяном сад. – Неужели кто-то мог бы здесь жить – и не покончить с собой?

– Да запросто! Например, мисс Фрой? – сорвалось у Хэйра с языка.

Он уже приготовился к разному, но Айрис его не услышала.

– В котором часу мы будем в Триесте?

– В двадцать два десять.

– А сейчас без пяти шесть! Нельзя терять ни минуты, мы обязаны ее найти. Я знаю, это напоминает сценарий дешевого фильма, но дома ее ждут несчастные старики-родители. А глупый пес выбегает встречать каждый поезд.

У Айрис неожиданно перехватило горло. К ее изумлению, мысль о родителях, не ведающих, что случилось с дочерью, что-то затронула в душе.

– Похоже, мне все-таки надо выпить, – объявила она, сморгнув, чтобы глаза очистились от влаги. – Меня потянуло на романтику, а с какой стати? Молодежь куда несчастней стариков. У них-то невзгоды давно позади, а у нас все только начинается.

– Выпить вам действительно не помешает, – согласился Хэйр. – Попробую-ка я отловить официанта.

Он уже почти поднялся, но Айрис поймала его за рукав и прошептала:

– Не бросайте меня – этот ужасный человек снова здесь.

Похоже, чернобородый доктор кого-то искал, и как только стекла его очков сверкнули в сторону молодых людей, поиски завершились. Доктор направился напрямиком к их столу и слегка поклонился Айрис.

– Ваша спутница вернулась в купе.

– Мисс Фрой! – От радости Айрис даже забыла об отвращении, которое испытывала к доктору. – Как замечательно! Где же она была?

Доктор развел руками:

– Буквально в двух шагах. Все это время она беседовала с моими медсестрами.

– Ну конечно, – расхохоталась Айрис, – где же ей еще быть? Самое очевидное место я как раз и забыла проверить!

Хэйр с сомнением поскреб подбородок:

– Хм. Как-то это подозрительно. Вы уверены, что говорите об одном и том же человеке?

– Та самая женщина, с которой мадемуазель была в вагоне-ресторане, – заверил его доктор. – Низенькая, не молодая, но и не слишком старая, в шляпке с голубым пером.

– Конечно, это мисс Фрой! – воскликнула Айрис.

– Мы просто недопоняли мадемуазель, – с некоторым пренебрежением добавил доктор. – Она так быстро тараторила и все время упоминала англичанку. А эта дама – немка, или, может быть, австрийка, я не уточнял.

Айрис утвердительно закивала:

– Сначала и я ошиблась. Она знает кучу языков, и по виду сразу не скажешь, что англичанка. Пойдемте же, вы сейчас сами убедитесь!

Путешествие через весь состав стало настолько привычным делом, что Айрис могла бы проделать его с завязанными глазами. Проходя мимо купе Барнсов, она заглянула внутрь. Викарий, скрестив руки на груди, имел вид мрачно-героический, а вот на лице его жены отчетливо читались признаки усталости. Вокруг глаз миссис Барнс виднелись темные круги, однако она мужественно улыбнулась и спросила:

– Все еще ищете?

– Нет, она нашлась, – обрадовала ее Айрис.

– О, хвала Господу!

– Раньше благочестивость жены викария действовала мне на нервы, – призналась Айрис Хэйру, когда они возобновили свой нелегкий путь, – но теперь она сильно выросла в моих глазах. Какая все-таки добрая женщина!

Проходя через вагон люкс, Айрис позвала профессора, которому и поведала хорошие новости.

– Я бы хотела, чтобы вы с ней познакомились. Когда мисс Фрой узнает, какой из-за нее поднялся переполох, она будет в полном восторге.

– Страсть к тому, чтобы привлекать внимание... Как по-женски, – кисло заметил профессор.

Айрис лишь радостно рассмеялась:

– Да вот же она, вот – в конце коридора!

Она снова позволила позорным человеческим чувствам себя увлечь – но ведь впереди маячила знакомая фигура в светлом твидовом костюме. Голос Айрис сорвался:

– Мисс Фрой!

Женщина обернулась. Айрис увидела ее лицо – и отшатнулась с криком ужаса:

– Но это не мисс Фрой!

Глава 16. Ключевой свидетель

Уставившись в лицо незнакомой женщины, Айрис чувствовала, как ее затягивает в чернильную воронку. А она-то была уверена, что наконец выбралась на свет, и сердце еще не перестало радостно колотиться от ощущения свободы. Увы, свет оказался лишь случайно пробившимся слабеньким лучиком. Позади и впереди была лишь тьма – мертвящая, сводящая с ума.

Мисс Фрой, не позволяй им отвлечь себя от мисс Фрой... В этот момент лицо учительницы, так долго ускользавшее от воспоминаний, как живое встало перед глазами Айрис – странная смесь возраста и спрятанного внутри детства: круглые голубые глаза, мелкие черты, уже полустертые прошедшими годами... А сейчас перед ней стояла фальшивка, одетая в принадлежавший мисс Фрой костюм цвета овсянки. Черные глаза под знакомой шляпкой лишены выражения, лицо изжелта-бледное, словно деревянное. Непохоже, чтобы эта женщина была способна плакать, и невозможно поверить, что она хоть раз в жизни улыбнулась.

Айрис бросила вызов своему кошмару:

– Вы – не мисс Фрой!

– Разумеется, – ответила женщина по-английски. – Впервые слышу это имя. Меня зовут фрау Куммер, как я вам и сказала за чаем.

– Это ложь! Я никогда не пила с вами чай. Вы мне совершенно незнакомы!

– Конечно, мы незнакомы, как и любые два человека, которых свела вместе дорога. Впрочем, мы успели немного побеседовать. Совсем чуть-чуть – ведь вы, бедняжка, жаловались на головную боль.

– Ага! – многозначительно воскликнул доктор.

Айрис вздрогнула от недоброго предчувствия и поняла, что расслабляться ни в коем случае нельзя.

– Это не мисс Фрой!

– Собственно, она так и говорит, – раздраженно сказал профессор. – Если разобраться, то никто здесь – кроме вас, разумеется, – никогда раньше и не слышал такого имени.

Очевидно, для профессора мисс Фрой уже проходила по ведомству вымышленных персонажей, вроде тех никому прежде не известных родственников, за доступ к наследству которых мошенники выманивают у доверчивых людей приличные суммы.

– Но на ней одежда мисс Фрой, – настаивала Айрис, стараясь не допустить дрожи в голосе. – Как такое может быть, как? И что случилось с настоящей мисс Фрой? Это какой-то заговор, и я уже опасаюсь... Подождите, она сказала, что мы пили чай! Официант подтвердит мои слова! Позовите официанта!

К ее крайнему разочарованию, Хэйр не бросился на поиски, подобно быстроногому Гермесу, пусть и не обутому в крылатые сандалии. Он лишь поморщился и отвел взгляд.

– По-моему, на сегодня достаточно, вам нужно отдохнуть.

Его успокоительный тон только взбесил Айрис. Всеобщее недоверие заставляло ее саму сомневаться в собственной памяти. Вновь стала наваливаться тьма, – и вдруг Айрис вспомнила про поддержку, которую ее рассказ нашел у жены викария.

– Миссис Барнс, – с трудом выдавила она.

– Я схожу за ней, – вызвался профессор, которому разыгравшаяся сцена явно была в тягость. Человек добрый и справедливый – по отношению к тому, в чем разбирался, – он, к несчастью, был серьезно предубежден против Айрис. Объяснялось это крайне неприятным инцидентом, омрачившим конец последнего семестра. Одна из лучших студенток – простая и спокойная девушка, успехам которой он так радовался, – внезапно подвела его, устроив весьма эмоциональную сцену. Явившись к нему в кабинет, чтобы попрощаться, она неожиданно ударила в слезы, уверяя, что старалась исключительно ради него и что не может вынести даже

мысли о расставании. Профессор из соображений приличия не позволил ей закрыть дверь кабинета, когда она вошла; в результате по университету разнеслись слухи об их связи. Теперь, проходя мимо купе сестер Флад-Портер, он проклинал судьбу, которой угодно было свести его с очередной истеричкой.

Заглянув в окошко, профессор обнаружил, что мисс Барнс вернулась туда, чтобы продолжить прерванную беседу.

– Боюсь, придется вас опять побеспокоить, – начал он, заглянув внутрь. – На сей раз та эмоциональная девушка хочет, чтобы вы кое-кого опознали. Вы не откажетесь пройти со мной в ее купе?

– Конечно, конечно! – откликнулась Эдна Барнс. – Опознать ту самую даму с голубым перышком на шляпке?

– Надо полагать, да. – Профессор встретился взглядом с миссис Барнс и вежливо поинтересовался: – Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете? У вас очень бледное лицо.

– Нет-нет, все в порядке! – Голос миссис Барнс звучал чрезвычайно жизнерадостно. – Кто себя плохо чувствует, так это мой муж. Я лишь пытаюсь взять на себя часть его страданий, чтобы он мог поспать.

– Терапия на расстоянии?

– Пожалуй, что-то вроде. В браке – я имею в виду настоящий брак – люди делят не только доходы.

– А по-моему, это глупости, – вмешалась мисс Роуз. – Ваш муж гораздо сильнее, чем вы сами.

Профессор, однако, посмотрел в доброе лицо миссис Барнс с возросшим уважением.

– Не хотел бы напрасно вас беспокоить. На мой взгляд, юная англичанка склонна к истерике и стремится быть в центре внимания. Сейчас она утверждает, что нашла неправильная дама, а настоящая, соответственно, по-прежнему неизвестно где.

– Лучше бы нашла настоящая, – без особого интереса заметила мисс Эвелин. – Иначе расследование задержит вас в Триесте, и вы опоздаете на миланский поезд.

– Ох, будем надеяться, нет! – вскричала миссис Барнс, хватаясь за голову. – Муж ждет не дожидается, чтобы его муки поскорей закончились. С другой стороны, долг есть долг...

– А по-моему, зря вы затеяли поиски, – пожал плечами мисс Роуз. – Судя по вашим словам, эта учительница привыкла путешествовать и способна за себя постоять. Либо она намеренно где-то затаилась, чтобы избавиться от назойливой девушки, либо та вообще все сочинила.

– Несомненно, последнее, – проворчал профессор, выходя в коридор следом за миссис Барнс. Там они столкнулись с разыскивающим свою жену викарием.

– А вот и мой муж! – воскликнула, просяив, миссис Барнс. – Кен, неужели ты мог подумать, что я тебя бросила?

Они задержались, чтобы обменяться новостями, Айрис тем временем ждала, когда Хэйр приведет официанта. Особых надежд она, впрочем, не питала, поскольку уже стала подозревать, что вообще все в поезде пляшут под дудку баронессы. Происходящим управляла таинственная сила, приводя Айрис в полное замешательство. И одно из доказательств, зловещий подменьш в костюме мисс Фрой, – здесь, прямо напротив нее. Причем смысл этого дешевого фокуса оставался совершенно непостижимым.

Все в фигуре женщины точно соответствовало ее собственному представлению о мисс Фрой, и Айрис, глядя на знакомые голубые пуговицы, почувствовала, что ее уверенность начинают подтачивать по-настоящему серьезные сомнения. Вдруг и в самом деле то была галлюцинация? История, рассказанная Хэйром про принца, подтверждала – так случается. Айрис настолько ослабла, что галлюцинация уже казалась ей чуть ли не меньшим из зол. В конце

концов, угроза болезни никуда не делась; ей надо собрать все силы, чтобы не свалиться, а не искать мисс Фрой, которая то ли существовала, то ли нет.

«Сейчас и выясним», – подумала она, когда появился Хэйр с официантом на буксире.

– Вы сказали – искать парня со светлыми волосами, – сообщил он Айрис. – На всю шайку-лейку нашелся единственный блондин, его-то я и прихватил. Между прочим, он хвастается, что знает английский.

Увидев прилизанные соломенные волосы и покатый лоб, Айрис тут же вспомнила юношу. На нем были очки, так что он больше походил на студента или клерка.

– Вы действительно говорите по-английски? – недоверчиво спросила Айрис.

– Да, мадам, – радостно откликнулся юноша. – У меня есть свидетельства с курсов, и за грамматику, и за разговорную речь.

– И вы помните, как сервировали нам чай? У вас хорошая память на лица?

– Да, мадам.

– Тогда я прошу вас посмотреть на эту женщину. – Айрис ткнула пальцем во фрау Куммер. – Не на одежду, а на лицо. Теперь ответьте – я пила чай именно с этой женщиной?

Официант на мгновение замялся, в его светло-карих глазах промелькнуло сомнение.

Потом он уверенно кивнул:

– Да, мадам.

– Точно?

– Да, мадам, определенно.

Айрис ничего не ответила, Хэйр дал официанту на чай и отпустил его. Все произошло, как он и предполагал, тем не менее молодой человек почему-то испытывал острый дискомфорт. Он неуверенно скосил глаза на баронессу и доктора, однако их лица не выражали ничего, кроме вынужденного терпения, – когда же это все кончится?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.